

7я

СЕМЬЯ И ШКОЛА

8. 2011

Река и радуга

страница

16

Трикстер

страница

4

Как я целовалась
с Аленделоном

страница

14

Откровения
святой древности

страница

19

журнал для родителей

Фото Елены Боковой

Советы и рекомендации

Елена Никитина
Незванные гости

10

Есть темы, которые в приличном обществе обсуждать не принято. Скажем, вши. В современном мире вши могут быть только у бомжей, бродяг, совсем уж опустившихся личностей. Так полагают многие «нормальные» люди. Но, как выяснилось, они сильно заблуждаются

Поколение, сгорающее на работе

6

По мнению ученых, если ваш рабочий день длится более 8 часов при пятидневной рабочей неделе, у вас в 6 раз больше риск «сгореть» на работе из-за психического и физического истощения от стресса

Повод к размышлению

Наталья Мавлевич
Личная ответственность за историю

2

В этом году исполнилось 75 лет правозащитнику Н. Горбаневской. Правозащитник не профессия, а по профессии Горбаневская филолог, переводчик, журналист, главное же ее призвание — поэзия. Публикуем интервью, которое Наталья Евгеньевна дала нашему журналу, и несколько ее самых последних стихов

Юлия Корчагина
Трикстер

4

«Я решил стать особенным, я решил спрятать свое истинное лицо. На людях я надевал на себя маску шута — и тогда было не так обидно, что над тобой смеются — ведь они видели только маску, мальчика-клоуна, веселого сумасшедшего. Я чувствовал себя выше и сильнее из-за этого тайного знания — мне удалось их обмануть, ввести в заблуждение»

Борис Бим-Бад
К психологии душевной пустоты

12

Среди многообразия злодеев есть один характер, казалось бы, мирный и неопасный, «самых честных правил», но несущий душевные страдания тем, кто имел несчастье их любить. В «Евгении Онегине» А. С. Пушкина живо описан этот тип личности. Что же составляет нрав этих опасных «пасмурных чудаков»?

Чтение

Лия Осипова
Откровения святой древности

19

В Государственной Третьяковской галерее прошла уникальная по масштабу и значимости выставка шедевров русского искусства X–XIX веков «Святая Русь»

Фрида Вигдорова
Девочки (дневник матери)

22

Продолжаем публикацию книги замечательной писательницы, педагога, публициста

Мариэтта Чудакова
Егор

28

К 55-летию со дня рождения Егора Тимуровича Гайдара. Главы из готовящейся к печати книги

Филипп Клодель
Мир без детей и другие истории

34

Филиппа Клоделя во Франции называют писателем-гуманистом. Он неоднократно удостоивался престижных литературных премий. Предлагаемые сказки взяты из книги «Мир без детей и другие истории», вышедшей в 2006 году.

Панорама

38

ЗАО Редакция журнала
«Семья и школа»

Генеральный директор
В. Ф. Смирнов

Главный редактор
П. И. Гелазония

Редакция журнала:
Т. Я. Кедрина
(досуг и быт),

Л. А. Александрова
(художественный редактор),

Н. С. Мавлевич
(школа и общество),

Л. Ф. Осипова
(культура),

В. А. Рыбаков
(развитие и воспитание ребенка)

Дизайн-проект журнала:
В. Е. Валериус

Предпечатная подготовка:
И. В. Аршанский,
О. В. Шорохова

Книжная редакция:
С. И. Сивоконь

Редактор интернет-сайта:
О. Л. Журавлева

Распространение:
Т. К. Чулкова

Обеспечение выпуска:
А. М. Бакланова,
Е. В. Угрюмова

Учредитель и издатель:
ЗАО Редакция журнала «Семья и школа»
Свидетельство о регистрации № 017036
Госкомитета РФ по печати

Адрес редакции:
129626 Москва,
улица Павла Корчагина, 7, строение 1
Телефон/факс: (495) 683-8614
e-mail: mag7a@narod.ru

Отпечатано в ОАО «Орден Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»
142300 город Чехов Московской области
e-mail: marketing@chprk.ru
Сайт: www.chprk.ru
Телефон: 8 (495) 988-63-87
Факс: 8 (496) 726-54-10

№ 8 (август) 2011
Подписано в печать 24 августа 2011 года.
Формат 60 × 90/8. Печать офсетная.
5 печ. л. Тираж 1500 экз. Заказ

В розничной продаже цена свободная

© ЗАО Редакция журнала «Семья и школа», 2011

Подписаться на журнал можно с любого месяца в любом отделении связи.

Электронные версии вышедших номеров размещаются на сайте редакции в последний день месяца, которым датирован номер.

С анонсами готовящихся к печати номеров также можно ознакомиться на сайте редакции

Личная ответственность за историю

Наталья Мавлевич

В этом году исполнилось 75 лет **Наталье Горбаневской**. О возрасте дам говорить не принято, но Наталью Евгеньевну количество прожитых лет не смущает. Так сказал на торжестве в честь этого события глава общества «Мемориал» Арсений Рогинский, а ему как старому другу и соратнику юбиляра можно верить.

Я, к сожалению, не имею чести близко знать Наталью Евгеньевну, но вот уж сорок с лишним лет глубоко ее почитаю, с того самого дня, 25 августа 1968 года, когда впервые услышала ее имя и имена шести ее товарищей, которые вышли на Красную площадь в знак протеста против вторжения танков стран Варшавского договора в Чехословакию для подавления Пражской весны. Не удивлюсь, если сегодня найдется немало людей, которые знать не знают, что это за весна и что за акция, выражаясь по-современному, провели Константин Бабицкий, Лариса Богораз, Вадим Делоне, Наталья Горбаневская, Владимир Дремлюга, Виктор Файнберг и Павел Литвинов. Из уважения к тем, кто помнит, не стану подробно объяснять: к счастью, у нас есть коллективная память, Интернет, куда всегда можно заглянуть.

Демонстрация продлилась всего несколько минут, за которые семи смельчакам пришлось расплачиваться годами заключения в тюрьме, в лагерях

или, как в случае с Горбаневской, в психиатрической больнице тюремнопыточного типа. Ее признали ненормальной, поскольку она вышла на площадь с грудным ребенком в коляске.

В 68-м я была еще девчонкой, но кое-что уже соображала и выла от ужаса и боли, услышав по советскому радио, что в пожелавшую свободно вздохнуть Прагу введены танки и что сделано это, разумеется, в порядке «братской помощи чехам», которые иначе попали бы «в кровавые лапы американского империализма». Уверенно говорю не только за себя, но и за тысячи соотечественников: мы задыхались от стыда. Когда через несколько дней после начала позорной операции я узнала (из передачи недодушенного глушилками «Голоса Америки») о выступлении семерых демонстрантов, первой мыслью было: «Они спасли честь всей страны... И мою честь».

Еще раньше, в апреле того же 1968-го, тридцатидвухлетняя Наталья Горбаневская стала первым составителем и редактором подпольного правозащитного информационного бюллетеня «Хроника текущих событий». С 1976 года она живет и работает в Париже, но с тех пор как появилась возможность приезжать на родину, часто бывает в Москве и других российских городах.

Правозащитник не профессия, а по профессии Горбаневская филолог,

переводчик, журналист, главное же ее призвание — поэзия. Только за последний год вышло два сборника ее стихов и сборник статей и воспоминаний «Прозой. О поэзии и поэтах».

Ниже — небольшое письменное интервью, которое Наталья Евгеньевна согласилась дать нашему журналу, и несколько ее самых последних стихов (печатаются с разрешения автора по ее блогу в ЖЖ ng68.livejournal.com).

— Что было до августа 68-го и «Хроники»? Каков был ваш путь в диссидентство и как родился порыв выйти на площадь в тот день?

— До августа и «Хроники» был, естественно, самиздат — он и стал путем в «диссидентство». В книге «Прозой о поэзии» кое-что из этого описано. И, конечно, была Венгрия — момент раскола в моем поколении, когда одни ушли в нечто, подобное внутренней эмиграции, а другие — в циники. Порыв выйти на площадь многократно описывала. Например, в книге «Полдень. Дело о демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года», написанной в 1969 году и впервые изданной в России в 2007-м (М., Новое издательство):

«Сама демонстрация как акт протеста и участие в ней каждого из нас были основаны на индивидуальном нравственном порыве, на чувстве личной ответственности — не побоюсь громкого слова — за историю. За историю нашей страны. За то, чтобы в ней сохранились не только газетные полосы с фотографиями митингов всенародного одобрения братской помощи. За то, чтобы прозвучал — пусть одинокий — голос протеста».

Вторжение войск Варшавского договора было объявлено «братской помощью», и вся советская печать была полна проявлениями «всенародного одобрения». Так вот, если даже один человек не одобряет «братскую помощь», то одобрение перестает быть всенародным. Но, чтобы это стало ясно, нам

было мало «не одобрять», сидя у себя на кухне. Надо было в той или иной форме заявить об этом открыто. Цель, таким образом, была — отмежеваться от «всенародного одобрения», или, грубее говоря, «очистить совесть». (В этом смысле я часто говорю, что демонстрация была актом почти эгоистическим.) Мы этой цели достигли, и потому были такими радостными в 50-м отделении милиции, куда нас свезли с площади.

— До горбачевских времен казалось, что все молчат потому, что говорить опасно, потом были несколько лет, когда люди говорили, писали, действовали, выходили на демонстрации свободно, а еще потом оказалось, что свобода большинству населения не нужна. Никто ради нее ничего делать не хочет, хотя ни тюрьма, ни психушка, ни даже крах карьеры за изъяснение своего мнения сегодня чаще всего не грозит. То есть молчат не из страха, а в силу обычного равнодушия. Взрослые транслируют молодым убеждение: «От нас ничего не зависит». Что вы думаете о такой позиции?

— Ну, в наше время с большими основаниями считали, что «от нас ничего не зависит». Как оказалось, зависело. Но мы не думали о крупных результатах. Мы хотели, во-первых, свободно (по совести) выражать свое мнение, во-вторых, свободно распространять информацию, в частности о политзаключенных, судьбы которых была бы куда тяжелее,

если бы о них никто не знал. То есть нами руководило чувство ответственности, о котором очень точно пишет Буковский в своей первой книге (там же он пишет и об отговорках, которыми пользовались люди, не желавшие принимать на себя ответственность).

— Как вам кажется, хорошо или плохо, что большинство сегодняшней молодежи аполитично? Многие говорят: вот и отлично, пусть интересуются музыкой, спортом, карьерой, читают книжки и любят друг друга.

— Смотря что называть политикой, а следовательно, и аполитичностью. Я политику вообще не люблю и политикой никогда не занималась. Если считать аполитичностью только сознательное неучастие в государственной, спускаемой сверху «политике», то это уже некоторая форма пассивного сопротивления. Если же считать таковой равнодушие к любым общественным делам, то есть равнодушие к тому, среди чего ты живешь, то оно может довести до искажения самой жизни и до включения в дурную «политику».

— В одной из работ победителей последнего школьного конкурса «Мемориала» сказа-

но: «Путч 91-го года для моих ровесников — все равно что Куликовская битва». Вы находите общий язык с этим поколением?

— Мне за последнее время (в мае и июне этого года) случилось встречаться с молодежью из этого поколения. Один раз — как раз с победителями последнего конкурса, второй, совсем случайно, — с молодежью (в кафе-клубе «Доме на дереве»). Оба раза слушали замечательно, с огромным интересом. То есть «Куликовская битва» в моем лице вдруг к ним приближалась. При том что приходилось по ходу дела объяснять некоторые совсем простые, а им уже непонятные вещи. Но понимали. И до того я встречалась с молодежью — например, на «Пилораме» со студентами Пермского университета. И тоже каждый раз — какое-то очень проникновенное взаимопонимание.

— И последний вопрос: в кого выросли малыши из коляски и его брат?

— Иосиф («малыш») — компьютерщик, в данный момент безработный с фрилансовыми приработками. Ярослав — вообще-то художник, и очень хороший, но зарабатывает как журналист в русской редакции Международного французского радио.

Наталья Горбаневская. Стихи 2011 года

Похвала ли, похвальба
глоссолатит у столба.
Открывается пальба
с Александрова столпа.

бабочка в бархате тучки.
Снежная баба вздохнет и растает,
сильно ли, слабо, а нарастает
пламечко у невезучки.

Научи меня смирению,
отучи от лишних слов,
чтоб ни вервию, ни ремнию
не завязывать узлов.

А превыше — черный! черный!
и с главою непокорной,
хитроумный, неученый,
жив-живой, а не покойный,

* * *
Загадочны — как жизнь.
Как жизнь по эту
сторону реки.
Вяжись — не отвяжись,
Москва-река впадает в Лету,
пройдя чистилище Оки.

Оправданием учи меня,
и помилуй, и подай...
Безо времени, без имени,
если сможешь, оправдай.

он взирает на толпу,
протоптавшую тропу.

* * *
Что-то я стала все чаще в стихах задаваться

* * *
Мои сонные соседи по метро,
белопенные, с пурпурными перстами,
забежав перед дорогою в бистро,
даже дня и не начав, уже устали.

И огоньки
с другого берега,
призывные, манят.
Как будто там Америка
и мотыльки,
изображение монад.

вопросами,
жалят нещадно меня комарами скорее, чем осами,
жарят на медленном, как поросенка, огне диалектики,
не оставляют ни пяди, ни дня утвердительно-лексике.

Мои бедные соседи по плане...
по планете, по планетной ли системе,
залегли, как головастики на дне,
а над ними только водорослей тени,

Как будто ты не рад,
не рада, не уверена,
что всё. Остался взмах руки.

Местоимения если — одни лишь неопределенные,
сущности тают, на виды, на племя и род поделенные,
и отлетают с подпочвы и почвы — и в небо зеленое!

только заросли неведомых следов,
только отзвук, только отзыв, только

* * *
Суета и маята.
Маятник и суетник.
Неча жаловаться-та
на прочтенных всеу книг

Ох, нелегко заменить вопросительный знак
восклицательным,
как цеппелин от цепи отцепить, не орудуя скальпелем,
как журавля досыта накормить угощением цаплиным.

зов,
затянувшийся, занывшийся, затыжный,
как солдатик, никому уже не важный.

* * *
Все еще с ума не сошла,
хоть давным-давно полагалось,
хоть и волоса как метла,
а метла с совком поругалась,

* * *
Серенький скверик в скамейках
пожолклых,
серый Верленчик в худых сапожонках,
серого жемчуга дощик.
Это мой город, река и деревья,
это, цитирую, дом и деревня,
радостей малых разносчик,

авторов, которые
не имели и в виду
ваши траектории,
вашу лабуду.

а посуды грязной гора
от меня уж добра и не чаает
и не просит: «Будь так добра,
вымой если не чашку, хоть чайник...»

горестей малых учетчик и счетчик,
по поднебесью порхающий летчик,

После Всенощной

Не задачей, не заданием,
не стирая в прах и дым —
научи мя оправданием,
оправданием Твоим.

А посуды грязной гора
постоит еще до утра.
И ни чашки, ни чайник, ни блюдца
до утра, дай-то Бог, не побьются.

Трикстер

Юлия Корчагина

Шут не знает, откуда он пришел, куда он идет...
Он слепо шагает к краю бездны...

Милан Кундера

«Вот вы на меня сейчас смотрите — и думаете: «Что за парень, шут или клоун. Ненормальный». Вам ведь нравятся хорошие мальчики — аккуратно причесанные, в костюмах и галстуках? Я видел таких возле юбок их мамочек».

«Почему я их ненавижу? Вы, наверное, думаете, что я им завидую? Их мнимому благополучию, сытости и уверенности в завтрашнем дне? Да вы посмотрите на них! Они в пятнадцать лет не сделали ничего сами. Не заработали ни рубля. Не закрутили ни одной гайки. Не отстояли себя в драке. Знаете, еще в детской песочнице они плакали и кричали: «А я сейчас своего папу позову, он тебя побьет. Мой папа самый сильный, он тебя на дерево закинет». А мне — что было говорить? У меня не было никакого папы — ни сильного, ни слабого».

«Я сначала сильно расстраивался, спрашивал маму, почему у всех есть папы, а у меня — нет. Мечтал, что найдется папа, в один прекрасный день появится из ниоткуда, придет во двор и защитит меня от всех обидчиков. А потом понял, что не придет он никогда».

«Мне ужасно хотелось отомстить — за обиды, за насмешки, за надменность и высокомерие, за снисходительные взгляды. Мне хотелось стать сильным и неуязвимым. Чтобы никто и никогда не узнал, что я думаю и чувствую на самом деле».

«Я решил тогда стать особенным, я решил спрятать свое истинное лицо. На людях я надевал на себя маску шута — и тогда было не так обидно, что над тобой смеются — ведь они видели только маску, мальчика-клоуна, веселого сумасшедшего. Я чувствовал себя выше и сильнее из-за этого тайного знания — мне удалось их обмануть, ввести в заблуждение».

«Я хотел победить их по-настоящему. Я не пил и даже не курил — это удел слабаков. Я больше не хотел быть беззащитным мальчиком из песочницы, не хотел ждать, что кто-то придет на помощь. Я должен был стать сильным. Я стал заниматься спортом. Я учился не бояться боли. Не бояться риска. Да что там — даже не бояться смерти. Я нарушал правила и запреты — и возвышался над всем миром. Я побеждал в этом неравном бою!»

«Мне нравилось шокировать людей, выходить за рамки. Я отрастил длинные волосы, сделал «тоннели» в ушах и пирсинг на лице — видите, и брови, и язык, и губы. Набил себе несколько татуировок. Научился читать рэп. Собрал свой первый мотоцикл. Ко мне уже просто так не лезли — знали, что я могу за себя постоять. Мне завидовали и хотели со мной дружить. Теперь уже я мог выбирать, кто из них достоин моего внимания».

«Один мой знакомый как-то раз сказал: «Конечно, пока ты молодой — это модно и даже красиво, ты выделяешься среди остальных. Но ведь потом ты повзрослеешь, и никто не будет воспринимать тебя серьезно. Ну, разве можно представить себе топ-менеджера с «тоннелями» в ушах, в татуировках и пирсинге?». То есть предел его мечтаний — это карьера топ-менеджера в чистеньком офисе с дрессированными секретаршами и важным начальством. Я прекратил с ним общаться — невозможно рассказать о свободе человеку, добровольно отдающему себя в рабство».

«Мне тоже среди людей не очень-то уютно. Понимаете, я все время знаю, что я — другой. Но я докажу всему миру, что я тоже чего-то стою, и даже — многого. Что я выше примитивности многих людей, их попыток что-то из себя изобразить».

Я злой? А вы как бы выживали? Если б вы оказались один на один с этим миром, где вас не очень-то ждут?».

«Мне не надо сочувствия. Я никогда не унижусь, никогда не попрошу помощи, не покажу свою слабость. Я смеюсь над вами. Я — шут, я — фрик, я — клоун. Я свободен и у меня все хорошо».

Это ужасно. Таких людей надо направлять на лечение в психиатрические больницы. Ни один нормальный человек такого с собой не сделает. Должны быть запретительные меры.

Елена, 50 лет, педагог со стажем.

Запретительные меры здесь не помогут. К необычным людям надо относиться терпимо. Нужно постараться понять такого человека, помочь чем-то. Герой рассказа еще очень молод и только ищет свой путь.

Алиса, 36 лет, художница.

А я его понимаю. Читаешь — и такая тоска по настоящему, по свободе. Очень устаешь от тех рамок, которые задают нам родители, учителя, общество. Всё должно быть правильно, всё должно быть по расписанию, мы должны слушаться, думать о будущем, делать уроки. А потоммотришь — вся жизнь прошла, а ты так и не успел понять, что ты собой представляешь на самом деле.

Анна, 15 лет, школьница.

Не понимаю тех людей, которые восхищаются фриками. Это просто некультурно и смешно — так выставлять себя напоказ. Так могут делать только изначально неполноценные люди, которые пытаются спрятать свои недостатки за яркой внешностью. Недостатки надо исправлять, работать над собой.

Ирина, 25 лет, бухгалтер.

Эти люди совсем не думают о будущем! В тридцать лет ходить с татуировками на лице — даже не смешно, а очень грустно. Таких людей не возьмут на приличную работу и нормальная семья у них тоже не получится. Мужчина-фрик должен будет искать девушку-фрика, получится семья сумасшедших.

Алена, 19 лет, студентка.

Мне понравилась аналогия с архетипом трикстера — мифологического шутника-provocатора, возмутителя спокойствия. Трикстер всё переворачивает с ног на голову! Трикстеры появляются тогда, когда нормы общества становятся особенно жесткими, когда «нечем дышать»...

Когда мир слишком правилен, в нем становится очень тяжело жить. В нашем «порядке» не хватает адреналина, энергии и творчества, того хаоса, из которого появилась жизнь. Благодаря трикстерам происходит движение вперед!

Герман, 24 года, студент-философ.

Всем спасибо, все свободны.

Мэл, главный герой.

Образ трикстера, между прочим, широко представлен в литературе (даже в детской!) и кинематографе. Трикстерами были Буратино, Незнайка, Чиполлино, Карлсон, Винни-Пух, Чебурашка, Шапокляк, Кот Матроскин и Пепси Длинный Чулок! А Воланд со свитой из «Мастера и Маргариты»? И ведь как привлекательны! Трикстер — это культурное явление, с этим придется смириться!

Элла, 26 лет, начинающий кинокритик.

Я завидую фрикам. Я тоже хотела бы сделать себе небольшой «тоннель» в ушах или хотя бы пирсинг. Но у меня строгие родители, которых я боюсь. Когда мне будет 18 лет, я обязательно что-нибудь такое сделаю.

Таня, 15 лет, школьница.

Быть фриком — отличное лекарство от скуки! Я сам — фрик со стажем, у меня такие же друзья. Да, у нас татуировки, кольца в носу, странные прически. Конечно, мы бросаем вызов окружающим, будим их от спячки. Вы посмотрите на людей — они вечно чем-то озабочены, у них на лбу морщины, в глазах тоска, их одежда — серая и невзрачная. Невозможно жить в таком мире! А мы — яркие, позитивные люди, мы всем улыбаемся, но не со всеми дружим. Нас могут понять только такие же, как мы.

Дионис, 19 лет, фрик.

Мальчик — явно «пограничная» личность. У него сильно искажено представление о себе и о мире — вероятно, в результате перенесенной в детстве психологической травмы. Он привлекает к себе внимание эпатажным, провоцирующим поведением. Другие люди должны подтвердить его уникальность и — даже — его право на существование! И его, конечно, замечают — в первую очередь, как нарушителя социальных норм, как угрозу психической безопасности окружающих. Мальчик получает хорошую «порцию» осуждения и отвержения. Он снова вынужден отдаляться от людей, презирать их и смеяться над ними, чтобы избежать боли и печали одиночества. Шутство — это не свободный выбор, а психологическая защита, способ существования во враждебном мире.

Генрих Исаакович, 54 года,
психиатр-психоаналитик.

Как вы можете так писать?! Ведь он — живой, он — настоящий! Это история жизни, а не история болезни! Я бы очень хотела с ним познакомиться. Я смогла бы понять его и стать ему верным другом!..

Алена, 18 лет, учусь.

Я устал быть шутом и козлом отпущенья,
Вместе с кожей сорвав с бубенцами колпак.
Что-то сделал не так.
Не хватило терпенья —
Но познал хитроумную тактику драк.

Возмужал, отбиваясь от глупых вопросов,
Но, по сути, какой же я к черту боец?
Может, где-то поэт.
Может, в чем-то философ.
Я устал быть шутом! Но звенит бубенец...

Олег Куприев

Поколение, сторающее на работе

Они выкладываются по полной и на работе, и в семье, пока стресс не становится невыносимым.

По мнению ученых, если ваш рабочий день длится более 8 часов при пятидневной рабочей неделе, у вас в 6 раз больше риск «сгореть» на работе из-за психического и физического истощения от стресса, сообщает «Дейли Мейл».

Журналистка Танил Кэри описывает случай Санни Моран, сотрудницы лондонского пиар-агентства. Каждый день она вставала в 6:00, тратила на дорогу до работы полтора часа, а в офисе прожигала до 22:00, причем обеденные перерывы там не приветствовались. Санни 6 лет жертвовала ради работы здоровьем и личной жизнью, но однажды обнаружила, что нет сил даже встать с постели. Когда Санни заявила начальнику, что немедленно увольняется, он не спорил.

Каждая десятая женщина работает более 45 часов в неделю; неудивительно, что у многих организм и психика истощены до опасного предела, отмечает издание.

Причем в группе риска не только аккуратисты и трудоголики, подчеркивает психолог Джоан Борисенко, автор новой книги о феномене «выгорания». Книга называется «Дотла: почему вы горите на работе и как возродиться из пепла».

Дело в том, что в наше время фирмы и организации сокращают штаты. Нагрузка на оставшихся сотрудников возрастает, но протестовать они боятся, чтобы самим не попасть в списки на увольнение. По мнению Борисенко, особенно тяжело приходится женщинам: они более, чем мужчины, склонны угождать окружающим и игнорировать собственные потребности.

В состоянии «выгорания» человек утрачивает мотивацию и жизненные силы, ненавидит свой образ жизни, отмечает Борисенко. Многие женщины замечают это состояние лишь тогда, когда оно практически необратимо.

43-летняя Хелен Макнеллен, трейдер из Сити, после нервного срыва попала в психиатрическую клинику. «Я боялась показаться слабой, потерять работу, потерять мой дом», — поясняет она. Хелен даже подъехала на машине к самому высокому зданию, которое ей попалось, и задумалась о самоубийстве, но все же вернулась домой. Это закончилось истерикой. Для Хелен срыв стал началом долгого пути к полному выздоровлению.

Симптомы «выгорания» порой напоминают депрессию, но медикаменты не помогают, подчеркивает Борисенко. Она рекомендует радикально менять образ жизни. Очень важно научиться отличать позитивный стресс от негативного. Для многих беды начинаются с убеждения, будто без напряжения сил ничего в жизни не добьешься.

При напряжении сил производительность труда растет, но не бесконечно. В состоянии стресса гонишься за прежней «морковкой» — наградой за труды, какой она тебе видится. А затем обнаруживаешь, что продуктивность снижается: прилагаешь большие усилия, но качество сделанного падает. Так начинается «выгорание».

У женщин в этой ситуации развивается скептическое и негативное отношение к жизни. Ощущение, что ими все пренебрегают, формирует

«комплекс мученицы» — женщина обижена на весь мир и считает раздражительность оправданной.

В состоянии подавленности, вызванном стрессом, мозг начинает работать иначе. Включается центр страха, изменяется деятельность лобных долей, мы теряем контроль над своими эмоциями.

«В каждом из нас живут Джекил и Хайд, и в состоянии стресса Хайд вырывается наружу». На работе человек вынужден сдерживать своего внутреннего Хайда, но дома срывает зло на близких. Так «выгорание» отравляет взаимоотношения.

Борисенко сама 10 лет разрывалась между наукой, воспитанием двоих детей и работой над книгами. Она осознала, что что-то не в порядке, когда поняла, что даже в самые радостные моменты ничего не чувствует.

Для работающих матерей в современной ситуации, когда работать приходится, чтобы прокормить семью, стресс особенно опасен. Борисенко советует женщинам экономить время и жестко исключить из жизни все, что побуждает его разбазаривать.

Лучшая защита от «выгорания» — своевременный диагноз. Борисенко советует женщинам обзавестись мысленной шкалой: от «Мне очень хорошо» до «У меня началось выгорание. Регулярно оценивайте свое состояние по этой шкале и в случае чего срочно принимайте меры. У каждого свои способы снять стресс, часто самые простые — сделать массаж или уединиться от всех ненадолго, посекретничать с подругами.

Н. П.
(по материалам
Интернета,
иностранной печати
и радио)

Картинки с выставки

Это название детской газеты Международного открытого книжного фестиваля заставляет вспомнить фортепьянный цикл Мусоргского. Музыка Мусоргского — череда зарисовок с выставки художника Виктора Гартмана; газета — рассказ о детской программе Международного открытого книжного фестиваля, который тоже своего рода выставка. Презентации книг (а значит, и встречи с их авторами), мастер-классы, ток-шоу, спектакли, игры... Чем больше успеют «обозреть» юные журналисты — тем лучше. Кстате, возможностей опубликоваться у них немало. В этом году

Фестиваль проходил три дня — и у газеты было три выпуска.

Ориентироваться в каждом номере просто. Хотите прочитать интервью с писателем? Ищите рубрику «Слово за слово». Не терпится посмотреть, какие дискуссии велись на круглых столах и ток-шоу? Загляните в раздел «Проблема на вырост». Любопытно услышать, что говорят о Фестивале маленькие гости? Читайте «Голосок народа». Просто хочется представить себе, что же там было? Ищите «Зарисовки». А в этом году в наших детских «Картинках» появились еще две рубрики: «Авооська с книгами» (лю-

бую книжку из нашей «авооськи» на Фестивале можно купить) и «Фестивальные советы». (Чему только не научились на мастер-классах вместе с другими зрителями юные журналисты!)

Этим летом, как и в прошлые годы, газету издавали мои ученики, они учатся в Лицее № 1525 «Воробьевы горы». Некоторые записи их впечатлений вы можете сегодня прочитать — и представить себя участником описываемых событий. Ну а выпуски прошлых лет хранятся здесь:

<http://gazeta-bookfest.livejournal.com/>
Евгения Абелюк

Голосок народа

Майя, 8 лет. Люблю читать всякие рассказы. Чтобы были таинственные.

Миша, 5 лет. Любую книжку написать могу. Про пиратов Карибского моря. И получится Карибская книга. А вообще я и так много картинок рисую. В моей голове этих картинок уже куча.

Никита, 9 лет. Моя любимая книга — «Последний черный кот». Я бы написал книгу с названием «Добро пожаловать в вакуум» про мальчика, который выиграл билет в космос. А на фестивале мне больше всего понравилось на дискуссии «Какая музыка рулит миром?». Самым лучшим был Женя из группы «Наркотики».

Саша, 9 лет. Я бы хотел написать книгу про химию.

Женя, 10 лет. Я бы хотела придумать про еду какую-нибудь и приключения.

Маша, 6 лет. Я и сама уже написала одну книгу. Сказку «Гостя». «Жили-были в одном селе, в доме, корова и коза. Как-то раз пришла к ним кошка. И наткала им полотна. С тех пор они стали жить вместе».

Тимофей, 10 лет. А я бы написал сборник рассказов под названием «Мир — нонсенс». О детях, о том, что происходит в их жизни, а также о том, о чем они думают.

Юля, 10 лет. Я люблю страшилки.

Аревик, 8 лет. Я бы написала книгу про Анечку. Она бы была о том, какая она обманщица.

Тимофей, 10 лет. Я читаю книги о любви. Знаю «Ромео и Джульетту». Я ее не читал. Я фильм смотрел.

Ваня, 10 лет. Я знаю, что книге можно навредить. Например, если поставишь ее в воду.

Вася, 10 лет. У меня есть любимая книжка, но мама не разрешает говорить ее название.

Записали Екатерина Златинская, Мария Родичева

Поэты и котлеты

Должен ли мужчина заниматься бытом? Или, быть может, ему не стоит опускаться до таких занятий? Согласитесь, очень многие разделяют именно

последнее мнение. А вот Леонид Костюков думает иначе. «Быт — неплохая часть бытия; он лишь часть многогранника под названием жизнь». Конечно, это слова поэта, ведь Леонид — поэт. И все же что-то очень важное заставило его отложить поэтические занятия и написать книгу «Один дома» — о том, как вести домашнее хозяйство.

Когда-то наш автор в реальной жизни был совершенно беспомощен. Говорит, что не умел даже вынести мусорное ведро. Рос с мамой и бабушкой, они же считали, что мужчина посуду мыть не должен. Ну а его это, конечно, устраивало. Правда, до поры до времени. Наступил момент, когда Леонид женился, в семье появились дети, а жене помогать он не мог. И тогда ему очень захотелось научиться пылесосить, стирать, мыть посуду...

Теперь он с гордостью говорит, что его дети готовят не хуже, чем он сам: «У нас туняядцев нет», —

заявляет Леонид. Но поэт не может не говорить о поэзии, и Леонид Костюков добавляет: «Поэт всегда должен что-то делать для людей. И потому прокручивать фарш для котлет — нормальное занятие для поэта».

Послушав Леонида Костюкова, мы решили порасспрашивать присутствующих мальчиков о том, что думают на эту тему они. Вот что сказал нам Володя (ему 10 лет):

— Конечно, маме помогать надо. Я не боюсь никакой работы — всегда пылесосу, протираю пыль и развешиваю белье...

А что думаете по этому поводу вы?

Карина Нурматова, Анна Канатова,
Софья Соснина

Комильфо — не комильфо

Решили отправиться за книжными покупками? Фестиваль — отличное место для этого. Множество издательств привезли сюда свои книги. Главная задача каждого продавца — привлечь внимание покупателей, ну и читателей, конечно. Кто-то это делает с помощью ярких обложек и не менее ярких иллюстраций. Кто-то привлекает именами классиков, кто-то — нестандартным набором еще более нестандартных книг.

Издательство «Комильфо», если честно, нас просто повергло в шок. Первое, что бросилось в гла-

за, — книжка с названием «Приключения какашки». Здесь действительно описываются события жизни одного экскремента. Причем продавцы совершенно серьезно советовали нам приобрести эту книгу как абсолютно нормальное чтение для детей.

А рядом с «какашкой» лежала книга Е. Свиноренко с еще одним красноречивым названием — «Учитель-психопат»! За ним, как нам рассказали, — веселая история об учителе-самодуре, который приехал в провинциальный городок и всячески измывается над учениками.

Тут же мы отыскали еще одну любопытную книжку: Ольга Лукас написала «Поробрик из бордюрного камня». Оказывается, «поробрик» — это бордюрный камень по-петербургски. Теперь все понятно: речь идет о «сравнительном петербургомосковедении», о жизни москвичей и петербуржцев, о забавных различиях языка двух столиц. Книга была номинирована на премию «Национальный бестселлер». Нас это так заинтересовало, что мы даже купили ее.

В итоге мы решили поинтересоваться у представителей издательства, почему они выпускают книги с такими своеобразными сюжетами и названиями. И удивились тому, что нас не поняли. Издатели в названиях своих книг ничего странного не видели. Однако согласитесь, что рассказы о «приключениях какашки» или об «учителе-психопате» стандартными посчитать нельзя.

Полина Мещан,
Никита Гусенков

Что важно для Мони Нильсон-Брэндстрем

Шведская писательница Мони Нильсон-Брэндстрем написала книгу для детей «Цацики идет в школу» (на русском языке ее опубликовало издательство «Самокат» в переводе Александра Туревского). Она описывает жизнь семилетнего мальчика и его мамы, а точнее, Мамаши. Они живут без отца, и это немаловажная подробность.

С чего начала свой рассказ Мони? Во-первых, сказала, что она и сама мамаша и у нее трое детей, и поэтому в ее доме постоянно резвится куча ребят. Затем объяснила, как это связано с появлением книги. Однажды, когда у семьи было много маленьких гостей, ее сын спросил у своего друга Кристофера: «А где твой папа? Почему он никогда не забирает тебя с трени-

ровок и не появляется на школьных собраниях?». Кристофер ответил: «У меня нет папы». В столовой все притихли. После неудобного молчания сын Мони спросил: «Он что, умер?» Кристофер ответил: «Нет, у меня вообще нет папы».

Этот случай задел Мони. Во многом именно поэтому ее книга описывает трудную жизнь матери-одиночки и жизнь сына без отца. Тема сложная, неприятная, которую с детьми предпочитают не обсуждать. Но Мони Нильсон-Брэндстрем против «табуирования» таких тем, она считает, что если ребенку что-то интересно, то об этом нельзя умалчивать, об этом надо прямо говорить. В книге есть очень откровенные сцены, вызывающие вопросы и

недоумения. Например, игра в дочки-матери: там дети раздеваются и залезают в постель обниматься-целоваться (понарошку играют в маму и папу). Вполне ожидаемо, что критики откликнутся на это недоброжелательно, но Мони объясняет, что не считает это чем-то аморальным. (Она, наоборот, говорит, что помешана на морали). Если ребенок спрашивает, откуда появляются дети, желая уточнить полученные от кого-либо сведения, то не надо ничего придумывать. «Это не неприлично, неприлично те, кто говорят, что это — неприлично».

Конечно, жизнь без отца — не единственная тема этой книги. Она и о взаимодействии взрослых с детьми, матерей с сыновьями. Мони считает, что во многих детских книгах все взрослые — однотипные, шаблонные, ведут себя всегда предсказуемо. А в жизни многие конфликты между взрослыми и детьми случаются из-за того, что взрослые не помнят своего детства.

Мамаша — очень необычный персонаж. О ней не скажешь, что она такая же, как все. Защищая Цацки, она «наезжает» на директора школы, с сыном говорит обо всем просто, без секретов. А Цацки очень любит Мамашу и очень переживает по поводу ее ухажеров. Этот откровенный рассказ об отношениях матери и сына и привлекает читателей.

Притом не только маленьких читателей. Взрослые тоже читают эту книгу взахлеб, несмотря на то, что она адресована детям. Возможно, это получилось потому, что писательница сумела взглянуть на все, что происходит, глазами Цацки. Она и говорит: «Пока я писала, я чувствовала себя Цацки. Если уж писать о детях, надо снова стать человеком их возраста». Сделать это Мони помогали ее дети. Многие черты Цацки взяты у них. Может быть, поэтому этот герой им нравится, и они даже немножко ревнуют к нему. Но Мони не расстраивается, ведь это как раз и говорит о том, что Цацки получился настоящим. Вообще она умеет доверять себе и своим читателям тоже советует в себя верить.

А еще Мони рассказала о том, какие книги любит читать сама. «Главное — хороший язык и грамотная речь; затем — захватывающий сюжет. И последнее, самое трудное, такого почти не бывает: важно вынести из книги что-то новое, полезное для себя. В детстве я всегда дочитывала книги до конца, а сейчас, если понимаю, что мне неинтересно, то прекращаю читать тут же: ведь в мире столько достойных книг, которые действительно хочется прочитать».

Ольга Петровская

Не книжка с картинками, а картинки с книжкой

Расскажем о встрече с Беатрис Вейон, автором необычной книжки, герои которой — семейка Пряткиных (Беатрис Вейон. Пряткины развлекаются. Издательство «Мир детства Медиа»). Члены этой семейки постоянно и везде теряются: в зоопарке, магазине, в научном городке. Основная задача читателя в том, чтобы их найти. А текст книжки состоит из вопросов про семью и подсказок читателю. Получается не книжка с картинками, а картинки с

книжкой. Книжка, которую нужно именно рассматривать, — что может быть лучше?

Разумеется, встреча имела большой успех среди детей самых разных возрастов. От десятилетней Жени до двухлетней Оли, ведь прочитать такую книжку может и она. А когда предлагается сидеть на полу, рисовать любимых героев, угадывать, какого героя нарисовал сосед, да еще рассматривать новые книжки про Пряткиных, тут-то и начинается веселье. Тем более что кроме детей рисуют и организаторы встречи, и переводчик, и сама Беатрис, и некоторые самые креативные родители. Так что все заняты.

Мальчик Степа рисует почему-то сиреневого папу Пряткина, Женья с Полей кидаются подушками, а двухлетняя Оля таскает у всех фломастеры.

Хотелось поговорить с гостями Вейон, но в такой атмосфере поймать кого-нибудь и расспросить довольно трудно. И все же девочка Женья рассказала нам о своей сестренке Кате, которая любит искать Пряткиных. Делает она это в свое свободное время — сидя на горшке. Как говорит Женья, «разложит вокруг книжки и рассматривает». Любимый герой девочек — собачка. Впрочем, собачка Шарик нравится всем читателям. Даже Беатрис любит ее больше всех: ведь, по ее словам, рисовать собачку легче, чем остальных героев. В первой части встречи Беатрис отвечала на вопросы читателей и Кости Мильчина, переводчика книги. Отвечала очень здорово! Например, она рассказала, почему ее герои рыжие, — это самый заметный цвет. Рыжих Пряткиных легко найти на страницах книжки.

А еще ее спросили, как меняются характеры героев, — должны же Пряткины меняться, ведь серия книг про них существует уже довольно давно! Пона-

чалу семья Пряткиных обитала только в собственной квартире. Потом появилась идея вывести их на улицу. Но и этим автор не ограничилась. Постепенно пространство Пряткиных расширилось до масштабов города и даже всего мира. Они отправились путешествовать.

Словом, здорово! Вот как надо придумывать книжки и отвечать на вопросы!

Мария Александрова, Анна Носовская

Фотографировали:
Ольга Петровская, Анна Канатова, Полина Мещан,
Дарья Александрова, Анастасия Колесникова

Незваные гости

Неприличная болезнь приличных детей

Есть темы, которые в приличном обществе обсуждать не принято. Есть явления и понятия, которые в нашем сознании прочно привязаны к прошлым историческим эпохам, давным-давно изжиты и невозможны в современном цивилизованном обществе. Скажем, вши. В нашем представлении они прочно похоронены в окопах мировых войн. В современном мире вши могут быть только у бомжей, бродяг, совсем уж маргинальных и опустившихся личностей. Так полагают многие «нормальные» люди. Но, как выяснилось, они сильно заблуждаются.

Так получилось, что я была своим детям всю их жизнь — за маму, за бабушку, за няню, за воспитательницу... В общем, они всегда при мне. У подобной организации жизни есть очень весомые плюсы, в частности, нам без особых усилий удастся «пересидеть» дома эпидемии, мы пока избегаем сомнительных компаний и друзей, и — в отличие от многих родителей — я точно знаю, что происходит в моей квартире, когда дети приходят из школы. Но однажды случилась история, воспоминания о которой заставляют нас вздрагивать до сих пор.

Дочь-первоклашка привыкала к школе. Меня постепенно отпускал стресс, мешавший дышать аж с весны: школа — «чужая», попасть в нее очень хотелось. И все удалось, в мае наша фамилия была в списке будущих учеников, в августе купили портфель и то, что положено, первого сентября всей семьей отправились на школьный двор...

А в конце октября я встретила на улице учительницу. Она — с работы, я — за дочерью в школу. Обрадовалась педагог как-то очень уж неестественно.

— Как хорошо... Там такое... Я написала... Но все равно позвонила бы... — И глаза в сторону.

Господи, да что же с моим ребенком?! Мне явно на что-то намекают, но как-то уж слишком тонко.

— У вашей дочери... Прямо ползают... Как же вы можете... Неужели вы не видели...

— Да что случилось-то?!

— У вашей дочери *вши!*

Шок мой описанию не поддается.

Учительница быстро преодолела щекотливость момента, начала описывать свои собственные переживания и страдать всевозможными санкциями. Подробно рассказала, как медсестра осматривала детей, а у моей дочери прямо по всей голове «они ползают»; посетовала, какая я невнимательная и нерадивая мама-ша, если довела ребенка до такого состояния (в этом месте звучал, видимо пересказ слов медсестры). Если я немедленно не ликвидирую насекомых, то моей дочерью медсестра и займется (звучало как угроза), а пока я должна изолировать ребенка дома. С последним было невозможно не согласиться.

Срочно отправленный в аптеку за спецпрепаратами муж вернулся тоже слегка ошарашенный. Всю дорогу он репетировал, как будет объяснять аптекарям возникшую проблему. Однако поставленные плотным строем пузырьки «нашего» назначения занимали целую полку, а фармацевты давали очень

квалифицированные консультации, даже не заглядывая в компьютер. По всему выходило, что лекарства от педикулеза нынче популярнее и востребованнее анальгина.

Массовая завшивленность населения 14-миллионного мегаполиса в XXI веке?! Невозможно! Невероятно! Но необходимость немедленно действовать мешала сразу осмыслить ситуацию. Срочно требовалось:

- а) обработать всю семью,
- б) проинформировать ближайших знакомых о происшедшем — дабы еще кто-то не оказался в подобной ситуации,
- в) выявить источник заражения — чтобы предупредить рецидив.

По пункту а) прочли инструкции и действовали строго по написанному.

По пункту б) все наши не менее приличные, чем мы сами, знакомые среагировали адекватно, дети и взрослые были осмотрены, вшей ни у кого не обнаружилось, в наш адрес прозвучали слова сочувствия.

А вот с пунктом в) всё оказалось сложнее. Взять вшей нам оказалось решительно неоткуда. Учительница, которой понравилось обсуждать со мной эту тему, несколько раз выдвигала версию заражения в общественном транспорте. Но мне она не понравилась как совершенно нереальная.

Однако в процессе лечения педикулеза и установления источника заражения было получено столько любопытной и полезной информа-

ции, что не поделиться ею было бы просто бессовестно.

Итак, проблема, ранее почти никогда не обсуждавшаяся (в силу своей деликатности, видимо) в критический момент оказалась не понаслышке знакомой очень многим: из пяти семей нашего ближайшего окружения в разное время ее решали в трех, мы оказались четвертыми. Цифра впечатлила.

Ближайшая подруга, врач-педиатр, которой я позвонила вообще-то как специалисту — за медицинской, а вовсе не за человеческой поддержкой, вдруг оживилась, слегка помялась и рассказала свою собственную историю.

Ее 11-летняя дочь провела месяц на даче у бабушки, вернулась домой повзрослевшей и жelaющей в городе стать неотразимо красивой: надела загородная вольница, функциональные шорты и прическа «конский хвост». Мама воткнула в розетку электрощипцы, расчесала пышную челку, прихватила ее зажимом... *А вши как ломанутся!* Мама, на работе нередко имеющая дело с беспризорниками (и полным набором их социальных болезней), никак не была готова встретить знакомый диагноз в голове собственной дочери. Рассказанное иллюстрирует одно важное обстоятельство: вши отлично прячутся, и если не искать специально, обнаружить их крайне сложно. В данном случае, спасибо электрощипцам: не захотели насекомые быть зажаренными и выдали себя. А ведь заподозрить во вшивости домашнюю девочку не могла даже профессионально циничная мама!

Эта история позволила мне поинтересоваться у учительницы, в очередной раз заведшей разговор на тему «Как же вы ничего не видели», знает ли она сама, как выглядят вши. Педагог опешила: «Не-ет...» «Ну так пойдите и посмотрите, — схватила я. — Вдруг когда-нибудь пригодится».

На самом же деле, как любые паразиты, вши и гниды (яйца вшей) вовсе не желают быть распознанными и истребленными. Хуже всего, если волосы «маскировочного» цвета: темно-русые, к примеру, да еще кудрявые или волнистые. Тогда паразиты довольно долго могут успешно маскироваться. Проще с волосами контрастных цветов, но надо четко представлять, что должно вызвать подозрения.

Так, на темных волосах дочери белые гниды были видны очень хорошо, причем и находились-то они на типичном месте (низ затылка, у шеи, за ушами), но я по неопытности приняла их за перхоть, причем причиной последней сочла жесткую дачную воду и плохо промытые длинные волосы. На самом же деле — знать бы раньше! — сколько бы ни было в голове перхоти, она посыплется, если потрясти волосы. А вот гниды приклеены намертво, их не вдруг снимешь даже руками.

На светлых волосах сына, напротив, гниды рассмотреть было сложно, а вот вши, выросшие незамеченными до взрослого состояния и приобретшие черный цвет, почти бросались в глаза — при попытке их разглядеть, естественно.

Пережив «паразитскую атаку», довольно долгое время мы обращали внимание в аптеках на противопедикулезные препараты, и заметили, что чем дальше от мегаполиса, тем шире их ассортимент. Все производители обещают немед-

ленную смерть непрошенным гостям, нетоксичность препаратов для людей вообще и детей в частности, легкость в применении... В общем, помыл голову «спецсредством» вместо шампуня один раз — и забыл о проблеме навсегда. Возможно, нам просто не повезло, но почти все обещания оказались — как бы выразиться помягче? — преувеличенными.

Да, нам не пришлось стричься наголо и сидеть обмазанными керосином, некоторые средства даже пахли не так уж противно, но при каждой обработке головы дошли от них исключительно «готовые» особи. На гниды же, вопреки обещаниям инструкций, отравы не действовала: спустя некоторое время из них выводились новые насекомые, процедуру приходилось повторять...

Несмотря на то, что на вычесывании трупов производители противопедикулезных средств не настаивают, делать это все-таки пришлось. Пригоден для этого только специальный гребень, очень частый. Купить его удалось в аптеке, в обычных магазинах я таких никогда не видела; есть препараты, к упаковке которых этот инструмент прилагается в качестве бонуса.

Полное уничтожение паразитов заняло у нас месяц.

И, наконец, самое интересное. Тайна заражения раскрылась через год. В начале следующего сезона на наш участок с извинениями пришла соседка, вузовский преподаватель (тоже «приличные люди!»). Она только что совершенно случайно узнала, что вшей нам привезли... ее внуки, живущие в Израиле и приезжающие в российскую среднюю полосу на лето спастись от тамошней жары. В этой стране наличие вшей не является противопоказанием, к примеру, для посещения детского сада. (Вспомните, как в нашем детстве медики рылись в наших волосах при отправке в пионерлагерь!) И наличие паразитов у детей там ничуть не позорнее, чем у нас, к примеру, на-сморг.

Подобное положение подтвердила и еще одна россиянка, уже очень давно живущая в основном на Кипре. Собираясь в Россию, она раньше сразу после покупки билетов обрабатывала от вшей своих дочерей, а теперь проделывает ту же процедуру с внуком.

Понятно, что при заграничном «философском» отношении прочие дети совершенно не должны причесываться их расческами или спать на их подушках, чтобы обовшиветь к началу учебного года — достаточно вместе порисовать за столом в дождь, предположим, и случайно соприкоснуться головами.

Возможно, кстати, препараты из наших аптек слабоваты именно против заграничной породы: поэтому и нет обещанного инструкциями эффекта.

С момента нашей «вшивой истории» прошло уже несколько лет, однако каждый год, слыша, что кто-то из знакомых побывал в теплых краях или приехал оттуда в Россию в отпуск, я осматриваю головы своих детей — на всякий случай.

К психологии душевной пустоты

Борис Бим-Бад

«И где ж беглец людей и света,
Красавиц модных модный враг,
Где этот пасмурный чудац,
Убийца юного поэта?»

А. С. Пушкин

Среди многообразия злодеев есть один характер, казалось бы, мирный и неопасный, «самых честных правил», но таящий в себе смерть для окружающих, даже самых близких людей, и несущий душевные страдания тем, кто имел несчастье их любить. В психологическом романе «Евгений Онегин» А. С. Пушкина живо описан этот тип личности.

Что же составляет нрав этих опасных «пасмурных чудаков»?

Неизбывное чувство превосходства над окружающими приходится поставить на первое место, поскольку Пушкин предпосылает «Евгению Онегину» эпиграф: «Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием в своих как добрых, так и дурных поступках, — следствие чувства превосходства, быть может, мнимого».

Автор с первого слова предупреждает нас, что его герой тщеславен и равнодушен к морали.

Онегин презирает людей иногда до степени цинизма. Он понимает, что это низко — притворяться, что лице-

мерить — «низкое коварство». И он мысленно идет на это, чтобы получить наследство. «Прочтя печальное посланье, / Евгений тотчас на свиданье / Стремглав по почте поскакал / И уж заранее зевал, / Приготовляясь, денег ради, / На вздохи, скуку и обман / (И тем я начал мой роман)...»

«Манерой глядеть свысока» назвал Ф. М. Достоевский это свойство Онегина. Именно взгляд свысока сделал «то, что Онегин совсем даже не узнал Татьяну, когда встретил ее в первый раз... Не узнал он ее и потом в Петербурге, в образе знатной дамы, когда, по его же словам, в письме к Татьяне, «постигал душой все ее совершенства». Но это только слова: она прошла в его жизни мимо него не узнавая и не оцененная им; в том и трагедия их романа».

Болезнь. Навязчивое возвышение себя над «двуногих тварей миллионами» сочетается у такого человека с неотступной тоской. Для Онегина всё скука, где бы он ни был и что бы ни видел. «Хандра ждала его на страже, / И бегала за ним она, / Как тень иль верная жена».

Пушкин считает преследующую Евгения Онегина хандру болезнью. «Недуг, которого причину / Давно бы отыскать пора, / Подобный английскому сплину, / Короче: русская хандра / Им овладела понемногу, / Он застрелиться, слава Богу, / Попробовать не захотел, / Но к жизни вовсе охладел. / Как Child-Harold, угрюмый, томный / В гостиных появлялся он; / Ни сплетни света, ни бостон, / Ни милый взгляд, ни вздох нескромный, / Ничто не трогало его, / Не замечал он ничего».

Гениальный наблюдатель и аналитик Пушкин ищет и обнаруживает причину сего недуга, — болезни душевной пустоты.

Пустота души. «Когда же юности мятежной / Пришла Евгению пора», он оказался ленив и бессодержателен. Из своего пустопорожнего детства он не вынес ни любознательности, ни идеалов, ни серьезных интересов.

Свою пустоту герой ловко скрывает за поверхностностью, сходя даже за весьма ученого человека. «Имел он счастливый талант / Без принужденья в разговоре / Коснуться до всего слегка, / С ученым видом знатока / Хранить молчанье в важном споре / И возбуждать улыбку дам / Огнем нежданных эпиграмм».

Познания и душевный труд ему и не понадобились, поскольку он предался охоте на юных девушек.

Разврат. Он наслаждался обманом и жестокостью. Притворяясь любящим, он добивался любви, чтобы потом читать обманутым мораль. Победить, чтобы унижить. Для достижений извращенной этой цели «Как рано мог он лицемерить, / Таить надежду, реновать, / Разуверять, заставить верить, / Казаться мрачным, изнывать, / Являться гордым и послушным, / Внимательным иль равнодушным! / Как томно был он молчалив, / Как пламенно красноречив, / В сердечных письмах как небрежен! / Одним дыша, одно любя, / Как он умел забыть себя! / Как взор его был быстр и нежен, / Стыдлив и дерзок, а порой / Блистал послушною слезой!»

«Как он умел казаться новым, / Шутя невинность изумлять, / Пугать отчаяньем готовым, / Приятной лестью забавлять, / Ловить минуту умиления, / Невинных лет предубежденья / Умом и страстью побеждать, / Невольной ласки ожидать, / Молить и требовать признанья, / Подслушать сердца первый звук, / Преследовать любовь, и вдруг / Добиться тайного свиданья... / И после ей наедине / Давать уроки в тишине!»

Одновременно Онегин проявляет безжалостность и неразборчивость в злобе. «Когда ж хотелось уничтожить / Ему соперников своих, / Как он язвительно злословил! / Какие сети им готовил!» Из дальнейшей истории Онегина мы узнаем, что он к тому же еще и мститель.

«Но был ли счастлив мой Евгений, / Свободный, в цвете лучших лет, / Среди блистательных побед, / Среди вседневных наслаждений? / Нет: рано чувства в нем остыли; / Ему наскучил света шум; / Красавицы не долго были / Предмет его привычных дум; / Измены утомить успели; / Дружья и дружба надоели...»

Ему наскучило «Всё те же слышать возраженья, / Уничтожать предрассужденья, / Которых не было и нет / У девочки в тринадцать лет!»

Побеждать невинных ему стало мало. Одновременно он еще и «Непостоянный обожатель / Очаровательных актрис». Его волнуют и женщины полусвета — «Сердца кокеток записных».

«Вот как убил он восемь лет, / Утрата жизни лучший цвет».

Пресыщение развратом. Наибольшая совокупность удовольствий как по продолжительности, так и по разнообразию, казалось бы, служила названием радости. Но чувственников подстерегает пресыщение — страшное наказание.

К тому же во времена Онегина сексуальные подвиги вышли из моды: «Разврат, бывало, хладнокровный / Наукой славился любовной, / Сам о себе везде трубя / И наслаждаясь не любя. / Но эта важная забава / Достойна старых обезьян / Хваленым дедовских времен: / Ловласов обветшала слава».

Онегин остался совсем без всякого дела. «И снова, преданный безделью, / Томясь душевной пустотой, / Уселся он — с похвальной целью / Себе присвоить ум чужой; / Отрядом книг оставил полку, / Читал, читал, а всё без толку... Как женщин, он оставил книги, / И полку, с пыльной их семьей, / Задернул траурной тафтой».

Понятно, почему: ведь «труд упорный ему был тошен», а чтение — труд. Труд и творчество, как говорил наш философ В. Ф. Асмус. Чтение бесполезно без понимания, вчувствования, сравнения с жизненным опытом, работы воображения.

Испытание истинной любовью. На жизненном пути человека, страдающего болезнью пустоты, встретились две истинные любви — Владимира Ленского и Татьяны Лариной. Ленского Онегин уничтожает, Ларину отвергает.

Невозможно не согласиться с Достоевским в том, что «Ленского он убил просто от хандры...».

Страшная месть — прамбула кубийству. И в самом деле, раздражение и даже негодование Онегина по отношению к юному другу вызвало обилие гостей на именинах у Татьяны. «Чудак, попав на пир огромный, / Уж был сердит. Но, девы томной / Заметья трепетный порыв, / С досады взоры опустив, / Надулся он и, негодя, / Поклялся Ленского взбесить / И уж порядком отмстить. / Теперь, заране торжествуя, /

Он стал чертить в душе своей / Карикатуры всех гостей».

План мести состоял в том, чтобы привычно увлечь во время танцев глуповатую Ольгу, вызвать ревность у Владимира Ленского и пренебречь чувствами Татьяны.

«К минуте мщенья приближаясь, / Онегин, втайне усмехаясь, / Подходит к Ольге. Быстро с ней / Вертится около гостей, / Потом на стул ее сажает, / Заводит речь о том о сем; / Спустя минуты две потом / Вновь с нею вальс он продолжает; / Все в изумленье. Ленский сам / Не верит собственным глазам... / Не в силах Ленский снести удара; / Проказы женские кляня, / Выходит, требует коня И скачет. Пистолетов пара, / Две пули — больше ничего — / Вдруг разрешат судьбу его».

Онегин узнал, что даже перевыполнил свой план, когда по утрам получил от Ленского вызов на дуэль.

«То был приятный, благородный, / Короткий вызов, иль **картель**: / Учтиво, с ясностью холодной / Звал друга Ленский на дуэль».

Роковое первое движение онегинской души. «Онегин с первого движенья, / К послу такого порученья / Оборотясь, без лишних слов / Сказал, что он всегда готов.

Почему же — с первого движенья? Почему — не подумав? Ведь он «Наедине с своей душой / Был недоволен сам собой. / И поделом: в разборе строгом, / На тайный суд себя призвав, / Он обвинял себя во многом: / Во-первых, он уж был не прав, / Что над любовью робкой, нежной / Так подшутил вечер небрежно. / А во-вторых: пускай поэт / Дурачится; в осьмнадцать лет / Оно простительно. Евгений, / Всем сердцем юношу любя, / Был должен оказать себя / Не мячиком предрассуждений, / Не пылким мальчиком, бойцом, / Но мужем с честью и с умом. / Он мог бы чувства обнаружить, / А не щетиниться, как зверь; / Он должен был обезоружить / Младое сердце...».

Да потому, что за свою постыльную жизнь он не тревожился (перед поединком он «Спал мертвым сном»), смерти друга в расчет не принимал, а боялся прослыть трусом. «Но дико светская вражда / Бойтся ложного стыда».

«Теперь сомненья решенья». / Они на мельницу должны / Приехать завтра до рассвета, / Ввести друг на друга курок / И метить в ляжку иль в висок».

Но Онегин метил в

грудь, под сердце. «Свой пистолет тогда Евгений, / Не престава наступая, / Стал первый тихо подымать. / Вот пять шагов еще ступили, / И Ленский, жмуря левый глаз, / Стал также целить — но как раз Онегин выстрелил... Пробили / Часы урочные: поэт / Роняет молча пистолет, / На грудь кладет тихонько руку / И падает. Туманный взор / Изображает смерть, не муку. ... Недвижим он лежал, и странен / Был томный мир его чела. / Под грудь он был навывлет ранен; / Дымясь из раны кровь текла».

После убийства. «Онегин (вновь займуся им), / Убив на поединке друга, / Дожив без цели, без трудов / До двадцати шести годов, / Томясь в бездействии досуга / Без службы, без жены, без дел, / Ничем заняться не умел. / Оставил он свое селенье, / Лесов и нив уединенье, / Где окровавленная тень / Ему являлась каждый день...»

«И постепенно в усыпленье / И чувств и дум впадает он, / А перед ним воображенье / Свой пестрый мечет фараон. / То видит он: на талом снеге, / Как будто спящий на ночлеге, / Недвижим юноша лежит, / И слышит голос: что ж? убит...».

Татьяна указала ему (вместе с его любовью к себе) на дверь: «Я вас прошу меня оставить».

Где же он, убийца юного поэта? Где он сейчас? Здесь, среди нас.

Многие тайны неожиданных для самого убийцы трагедий, так называемых немотивированных, «случайных», некорыстных преступлений лежат именно в таком характере.

Как я целовалась с Аленделоном

Рассказ

Катя Бочавар

Я не ожидала ничего от этого вечера. Ничего хорошего, ну а тем более чуда. Вообще не тот был вечер, не для чудес. Мне бы домой и лечь спать пораньше, но на дворе московская зима, а сил пробиваться в гардероб через приветствия, поцелуи, расспросы нет, и я остаюсь в гомоне вернисажа. Мучиться на открытиях выставок — часть моей работы. Я эти выставки строю. И я это делаю мастерски, скажу без ложной скромности. Неважно, каков контент. В каком-то смысле с бездарностью даже интереснее работать, эффект моего вмешательства заметнее. Но присутствовать на открытии подобных выставок неловко, даже противно, а в тот вечер мы открывали именно такую выставку. Мои гениальные стены завесили жуткими фотографиями старичка француза. Какие уж тут чудеса, скорее наоборот. Но вдруг...

Рассказ о том, как я целовалась с Аленделоном

В свадебном торте барочного белого зала, озаряемый фотовспышками, в окружении охранников, раздвигающих толпу, появился Аленделон. С первого взгляда показалось что он не похож на себя, совсем седой. Но нет. Это был точно он — самый красивый и самый французский человек в мире. Подумать только, Аленделон существует! Теперь, конечно, не до сна. Не поеду домой, а поеду в самый золоченый из московских ресторанов на ужин в честь открытия выставки. Потому что туда едет Аленделон.

Сажусь за первый попавшийся стол: женщина в кудельках напротив, еще что-то невнятное справа, забавный дядя и его симпатичный племянник слева, сверху расписной потолок огромного зала, а посередине на круглой сцене живой Аленделон. Ресторан битком, но, похоже, никто из

присутствующих не разделяет охватившего меня апостольского восторга: с началом представления разговоры тише не стали. Я подошла как можно ближе к сцене, чтобы ни крупинки волшебства не упало мимо.

Аленделон читал монолог поочередно с известным русским актером, и очень скоро обнаружилось, что делает это он просто отвратительно. Запинаясь, монотонно таранил текст с листа; размахивая руками, задевал микрофон; несколько раз смахнул рукопись с пюпитра, потом поднимал ее и, поправляя галстук или рубашку, выбившуюся из брюк, продолжал в том же духе. Во всем его поведении чувствовалось крайнее раздражение. А русский был хорошим чтецом, очень! К тому же он читал на языке, понятном аудитории; а прочтя, любезно передавал очередь партнеру, чтобы тот, пошмыгивая, вяло пробубнил тот же текст на французском. И так повторялось раз за разом. Перевес русского был чудовищным, и дело уже явно шло к финалу, когда Аленделон совершенно неожиданно «включил Аленделона». Его харизма как будто изменила освещение и акустику зала, сами ионы воздуха. Он полностью исключил для зрителей возможность замечать вокруг что-либо, кроме него. Все способные слышать и видеть впали в блаженный транс. Трудно сказать, сколько времени это продолжалось. Но вот воцарилась звенящая тишина, выступление закончилось... Я вернулась на свое место за столом.

Застолье встретило меня сплоченным радушием, шампанским и закусками, а моим вниманием немедленно завладел забавный дядя — мой сосед по левую руку. Бывший чемпион, он рассказывал мне о своих спортивных победах, и, видно, я переборщила с выражением восхищения ими. Вдохновленный, он сыпал и сыпал одну историю за другой, пока мы не заметили, что вечеринка клонится к закату. Пора! Я бросила прощальный взгляд в сторону делоновского столика. За ним никого не было. На душе стало пусто и печально. Покрутив головой, в надежде взглянуть на Аленделона в последний раз, я нашла его в одиночестве пересекающего зал.

Не знаю, как это произошло. Затмение рассудка какое-то, но вот мы молча стоим лицом к лицу. Он смотрит на меня в ожидании. От ужаса шампанское улетучивается все до последнего пузырька из моей головы. И что теперь? Что сказать? «Здравствуйте, Аленделон, меня зовут Катя»? Полный ступор и желание уползти под стол. Время идет медленно. Идей никаких. Вдруг слышу не санкционированные сознанием исходящие из меня слова: «You saved my life!». (Вы спасли мне жизнь.) И живой, настоящий Аленделон отвечает удивленно: «How is it so?». (Как это?) И опять я смотрю на себя как со стороны, как-то сверху и немного сбоку, а в голове бьется панически: «How is it so? How is it so? How is it so?..» Мне нужно срочно прийти на помощь этой

сумасшедшей, поставившей себя в идиотское положение. Она вызывает у меня раздражение своей безрассудной выходкой, но, чувствуя ответственность как за близкую подругу или родственницу, бросаюсь к ней на помощь. Скорее! Как он мог спасти мне жизнь? Виртуально. Когда? Лучше, что бы это было давно. Через дыру, пробитую мощным взрывом появления Аленделона в спрессованном месиве последних тридцати лет, я вглядываюсь в поисках подвига Аленделона в свое прошлое. Тем временем другая Я уже плетет душераздирающий рассказ о маленькой русской девочке в далеком таежном поселке, исполненном сифилиса, алкоголизма и косноязычия. О страданиях нежного, деликатного создания с душой, стремящейся к прекрасному, погибающей и наверняка бы погибшей во власти тотального Советского Союза, если бы к ней на помощь не пришел богоподобный герой. Одним своим существованием Аленделон вселял надежду на то, что где-то там, далеко-далеко, существует другой мир, прекрасный, как сам Аленделон. Ведомая этой мечтой, маленькая девочка упорно училась, стала художником, уехала за океан, выбилась в люди, сделала карьеру... И вот, кстати, дизайн выставки, которую вы посетили сегодня, сделан мной, — выдохнула я.

Ух! Это было как на дикой скорости с горы. Но я выринула! Выплыла! Выскочила! Мне бы отдышаться, прийти в себя, но тут же последовал следующий вираж. Аленделон взял мое лицо в свои мягкие, теплые ладони и, глядя мне в глаза глазами, полными слез, прошептал дрогнувшим голосом: «Don't cry, baby! Just don't cry!» Ну что мне оставалось? Я выпустила из глаз две струи не хуже рыжего клоуна. Орошение, очевидно, окончательно размочило сердце Делона, и он стал целовать меня в глаза, в лоб, щеки, губы... Чем смутил меня окончательно. Ситуация зашла в тупик. Нужно было срочно выбираться, и, прикрыв рыдания до всхлипываний, я под предлогом того, что я «absolutely overwhelmed» (переполнена чувствами), прогалоопировала к своему столу, где упала головой на руки и залилась теперь уже слезами облегчения, изрядно напугав тем самым всех, особенно дядю водолаза. «Кать, да ты чё? Кто тебя обидел? Ты только покажи!» — гудел басовитый дядя. «Никто меня не обидел! — бормотала заигравшаяся я. — Я люблю Аленделона. Ыыыыыы...» «Кать, ты слышь, ты не плачь, Кать! Ты мне сердце на куски рвешь! Так! Где он? Кто видел, куда он пошел? Кать, да это ваще не вопрос! Щас забашляем тебе твоего Делона! Ваще не вопрос!» Племянник рванулся на поиски.

Мама! Что это? Я во власти ночных кошмаров без конца. Это так и пойдет теперь бред за бредом, и я не смогу вернуться в реальность никогда. Мама, мне страшно! И я пустилась наутек.

Уже через двадцать минут, изнеможенная, я упала в шубе и сапогах на свою кровать. Раздеться не было сил. Меня била дрожь. Пережитое не укладывалось в голове.

Как же это получилось? Как история моей длинной запутанной жизни превратилась в антисоветский рекламный ролик? Почему именно этот отрезок жизни, о котором я почти никогда не вспоминала, пришел мне на ум? Сифилис, алкоголизм и косноязычие строительного поселка, куда мой отчим завербовался работать на два года, не было причиной, почему я не любила вспоминать об этом вре-

мени. Просто не люблю вспоминать мутное, болезненное время тинейджерства. Но теперь мне захотелось прогуляться туда, и не потревоженные столько лет события выплывали передо мной свежие и четкие, как случившиеся вчера.

Мама сшила мне вельветовые штаны шоколадного цвета с защипами у пояса и с карманами, как у джинсов. Фасон назывался «бананы», и в Москве, из которой мы только что вернулись после летних каникул, он был последней модой. Я волновалась, что мама не успеет их дошить к субботнему вечеру, когда в клубе будут показывать французский фильм, а там конечно же соберется вся школа. Но волнения позади. Мама успела, и, надев батник, сабо и бананы, я полетела в кино, предчувствуя триумф. Но до поселка столичная мода еще не дошла, и модными все еще считались джинсы в дикий обтяг. Кроме меня на «большую землю» никто не ездил, и мои мешковатые «бананы» были первыми в поселке. Меня подняли на смех. Я пыталась отбиваться от насмешек, делая вид, что мнение дураков меня не интересует, и со всеми поругалась. Как результат, никто не позвал меня гулять после фильма по «Бродвею», как мы называли улицу Ленина, — единственную освещенную улицу, начинавшуюся у клуба и упиравшуюся гравийным покрытием в тайгу. Я сидела за клубом одна, глядя в высокое, черное, полное звезд небо, и чтобы отвлечься от обиды и не заплакать, стала думать о только что увиденном фильме, о главном герое...

О боже! А ведь я обманула Аленделона. Я вовсе не в него была влюблена. Я похолодела от этой мысли и, подскочив, села на кровати. Я ему изменила! Я изменила Аленделону! В тот вечер за клубом я мечтала о Бельмондо.

Я вспомнила свою первую любовь. Моего Бельмондо. Вспомнила, как меня возбуждала его «страшная» красота и конечно же, что он француз, хоть я и не верила в существование Франции. Было как-то само собой понятно, что существует она только в пространстве проекции или внутри телевизора. Именно в тот вечер я придумала мечту, которую потом мечтала много, много раз. В этой мечте Бельмондо пересекал экран моего сознания полуголый на тарзанке. Он пролетал над моей головой, ослепительно улыбающийся и бронзово загорелый. Держась одной рукой за веревку, другой он подхватывал меня, и мы взмывали в звездное небо, оставляя далеко внизу теплотрассу, окруженную молодыми лиственницами, убогие времянки, бревенчатый клуб, одноэтажную школу и гуляющих по Бродвею одноклассников в их дурацких джинсах в обтяг. По мере того как мы взмывали в небо, а земля стремительно уменьшалась в размерах, я все сильнее чувствовала неизбежную защищенность в объятиях Бельмондо, щемящую неизбежность, безвозвратность моего побега в счастье. На этом месте мечты меня охватывала нежность и теплая любовь ко всему покидаемому, потому что я точно знала, что не увижу этого больше никогда, никогда. Последний взгляд сверху на отдаваемую от меня земным притяжением нестерпимую жизнь был эмоциональным пиком этой мечты. Дальше в мечте ничего не случалось. Видение растворялось, оставив на моих глазах мокрый след слез. Конец фильма. Конец чудесам. Конец рассказа о том, как я целовалась с Аленделоном.

Река и радуга

Сергей Матюшин

Однажды в короткое июльское утро шел я по вытоптанной стадом околице к темнеющему сквозь туман лесу искать Глинку, — так в округе называли местечко на реке Малой Коше, где в год войны упали две бомбы — воронки от взрывов образовали небольшую, но глыбкую и горазд рыбную омутину. Обрыв над омутом был текучий, глинистый, потому местечко и нарекли Глинкой. При всей простоте Глинка значит маленький глинистый обрывчик — название звучало нежно, ласково, словно придумал его любящий человек; о прозаической глине и не думалось.

В деревне говорили, что найти Глинку не так просто — «...Ход туда вроде и не больно далекий, да не всяк найдет, ходить стало некому, да и по коряжинам все ноги изломаешь». И это «не всяк найдет» особенно волновало своей странной загадочностью, вспоминались бабушкины истории о заколдованных местах, где «водит».

Расспросив дорогу у хозяйки, я шел теперь искать затерянный в излучинах Малой Коши уголок. Хозяйка удивлялась моей невзрослой настойчивости: «Дак чего тебе там, не знаю, медом мазано? Летось тоже вот один спрашивал, а сам так и не нашел. Какая там рыба, плотица одна и водится, да окуня с палец».

Солнце, еще мутное и словно заспанное от не осевшего тумана, казалось, замерло в истоме полусна над кромкой дальнего леса.

Июльским утром нужно идти медленно, ничего не думать суетного, но только слушать и смотреть, пусть и на сто раз знакомое, — лес и утро всегда новы и благодатны.

Крупная роса дорого сверкала в неярких травах выгона, этот серебристый налет на листочках делал водяные капли похожими на сверкающие зеркальные шарики. Редкая для июля холодная ночь подарила земле россыпь драгоценностей.

Какой-то ранний человек звонко стучал по наковаленке, отбивал косу; умелое эхо передразнивало в лесу. Изредка напористо и расторопно кричали по дворам на весь свет петухи.

Пройдя краем поля, я углубился в лес.

Деревенские звуки стихли, мир вокруг постепенно наполнялся дивными признаками лесной жизни.

Прошелестел по вершинам утренник-ветер, дятел деловито стукнул несколько раз: мол, не пора ли позавтракать? Вездесущие сороки принялись обсуждать меня с базарным азартом.

Я спустился в ложок к ручью, позавтракал хлебом и огурцом. Конечно, попил из родниковой ямки — на дне неумоимо плясал и крутился в струе белый песок. Да, а сосуд у меня здесь такой: кулек из бересты швом заправлен в расщелину прутка — черпачок, ковшик. Поел, попил и пошел дальше.

Не отогрешившиеся кузнечики, робко пострекочивая, вяло карабкались на мохнатые листья пушиц и стволы таволги; кое-как устроившись, они замирали для отогрева и окончательного пробуждения.

Отрадно было лежать на березке безымянного ручья, брести зарослями щедрого малинника, сырыми лугами по чуть заметной в разнотравье тропинке к неизвестному месту, где, надеялся я, ждала меня маленькая тайна или новая радость.

Вскоре лес поредел, пошел сосновый да берёзовый подлесок. Тропинка потерялась среди плотного ковра тугих кустиков брусники. Пройдя еще немного в теплом аромате трав и ягод редколесья, я неожиданно оказался на краю довольно крутого берега реки. Глина обрыва, мокрая и морщинистая от множества прорезавших ее повсюду ручейков грунтовой воды, причудливо блестела, вся как бы в ржаво-золотистых локонах. И было удивительно, как это оползни вовсе не стащили к воде искривленные худенькие березки, в беспорядке лепившиеся по склону.

Внизу, у воды высились старые ивы. Замшелые их корни и ниспадающие длинные ветви с подернутыми сединой узкими листьями образовывали над изогнутыми стволами нечто вроде тенистых беседок, потаенных шалашиков. Идеальное местечко для рыбалки!

Пробравшись по очертенело заросшему крапивой овражку, я устроился на изгибе ствола. Размотал удочку, делая всё как можно осторожней и тише.

Осмотрелся.

На другой стороне у самой воды стояла девочка в красном купальнике.

В первое мгновение я настолько удивился, что от неожиданности чуть было не выдал себя словом или движением. Здесь, оказывается, еще кто-то, кроме меня, первооткрывателя? Вот тебе и потаенное место, которое «не всяк найдёт». Будешь знать, сентиментальный дядя, как носиться с бабушкиными байками. Я хотел было вволю налюбоваться счастливо найденному месту — облазить глухие уголки, найти гнездо и нору, обнаружить черные ямы с хищными окунищами, запомнить и сохранить все тутошные секреты и тайны, — я хотел присвоить Глинку! И вдруг — какая-то тощенькая особа с облупившимся носом.

В одной руке она держала прутик, которым чертила на песке вокруг себя, из кулачка другой сыпалась на ее письмена пылящая струйка песка.

Угловатая, но стройная и в чем-то едва уловимом уже женственная фигурка; правильный, завершённый овал лица, скуластенькая, вздрагивающие высокие брови, спокойная улыбка... Весь ее облик, чем больше я всматривался, создавал неожиданное впечатление: внезапно и неведь почему стало ясно, что все здесь давным-давно принадлежит ей. Возникшие было сожаление и досада незаметно таяли, и вскоре я смотрел на нее как на неотъемлемую и естественную часть всего окружающего — и леса, и реки, и зарослей мать-и-мачехи вперемежку с кугой и осокой, и самой природы.

Резко отшвырнув прутик в воду, танцевальным движением смахнув с песка навсегда пропавшее слово, она нетерпеливо крикнула, не оборачиваясь, словно обращаясь к притаившемуся мне:

— Ну где ты там?

Я как-то застеснялся и хотел уже вылезти из укрытия, проявиться.

Но из кустов той стороны, потирая бедро, нарочито не спеша вышел на песок мальчишка с сердитым лицом.

Был он гораздо меньше загорелый, не столь угловатый и тонкий, как его спутница. Чёрные волосы широкой непокорной

прядью падали на глаза. В руке у него была звездно-полосатая сумка, из которой торчали ребристые полосатые зеленые ласты и до самой земли свисал край оранжевого полотенца.

Бросив сумку под ноги, мальчишка, продолжая потирать колено, осмотрелся.

Заложив руки за спину и склонив голову к плечу, девочка смотрела на него.

— Обжались весь, в натуре... Завела куда-то, — с досадой пробубнил он. — Прямо настоящие дебри, джунгли какие-то.

Она сорвалась с места, исчезла в кустах, и вскоре уже стояла рядом, протягивая листок растения.

— Вот, на, возьми. Бери, бери, чего ты так смотришь? Потри, где обжались, и все пройдет.

— Да ла-адна... — протянул мальчик, глядя на листок насупившись.

Однако растение взял, повертел его, понюхал, скосился на целительницу:

— И чего это? Может, скажешь женьшень?

Потер коленку, бедро. Подождал, Опять понюхал листья. Потер. Удивленно хмыкнул: зуд, видимо, прошел.

— Ну ты ваще даешь. Что это за трава такая? Может, скажешь, женьшень?

— Так тебе сразу все и расскажи, хитренький какой. Заслужить надо.

Девочка забежала в реку. Походила по мелководью, и вдруг, подняв ослепительную гряду брызг, — где-то сбоку и сверху возникла трепетная радуга, — понеслась вдоль берега, часто-часто, как мальчишка, работая локтями. Но, запутавшись в осоке и тугих стеблях кувшинок, со смехом упала в воду. Выскочила на песок, принялась прыгать на одной ноге, прикрыв ладонью ухо.

— Ты, вода, там не сиди, а наружу выходи, ты, вода...

— Крутани головой, — серьезно сказал мальчик. — Резко крутани, вот так, смотри, покажу, очень резко.

— А? И так ничё. В ухе тепло, значит вытекла.

— Правильно, если горячо стало, значит вытекла. Только надо говорить в ушах, а не в ухе.

— Почему же это в ушах, если только в одном ухе? Не-а! В ухе!

— Правильно — в ушах.

— Правильно — в ухе. Да всё уже... Наплевать. В ухе.

— В ушах.

— В ухе, в ухе.

— В ушах.

— Зануда.

— Сама ты... Упрямая.

— Ладно, в ушах, в ушах, так и быть.

Она уселась рядом и тихо проговорила, глядя в небо (там как раз пролетела какая-то нарядная птица; уже много позже я выяснил, что это была сизоворонка, редчайшая птица наших лесов, «европейский попугай».

— Тебе нравится здесь, а?

Рот у нее так и остался открытым.

— Ндравится, — слегка язвительно отозвался зануда, выдержав гордую паузу. — Это и есть твоя Глинка?

— Да-а... — чуть слышно произнесла, словно выдохнула, девочка.

— А рыба тут водится, вот интересно?

— Никакой рыбы тут нету, кроме окушков, я тебе их сколько хочешь поймаю сейчас.

— А чего же тут у тебя есть?

— Ай, да смотри здесь как! — воскликнула она. — Я всю речку знаю, так нигде-нигде больше нету. А сюда дороги никто-никто, — она зажмурилась и замотала головой, — ага, вот, в ушах тепло... — никто-никто не знает, одна только я знаю, а больше никто на свете. Не веришь?

Мальчишка озибался, словно все кругом только что увидел заново.

— Здесь так здорово! — продолжала девочка. — Я всегда хожу сюда купаться. Или так просто.

Помолчав, она заговорила совсем тихо, положив подбородок на колени и сгребая ладонями песок к ногам.

— Я всё хожу сюда, вот меня и прозвали в деревне Глинка. Это мама сначала: Глинка да Глинка. А после все так стали. И в школе. А мне ничё, нравится, — улыбнулась она просто и открыто, быстро глянув на мальчика. — А тебе? Нравится? Да? Нет? Как тебе?

Она спешила, она и не очень-то ждала ответов на свои торопливые вопросы — наверное, ей очень хотелось хоть как-то выразить словами, какое же особенное доверие она оказывает, раскрывая свою тайну.

— Посмотри, посмотри же как все тут... везде... Такое, такое, я просто не могу! Представляешь — зимой? Или осенью! Вот это все желтое, красное, оранжевое... А там вон страшно большие ели и вообще ужас какой-нибудь. Там вон родник, ручей впадает, лиса приходит воду пить, я ее знаю. Я сама еще не лазила в том буреломе, интересно, там есть гнезда разных птичек, я знаю.

Должно быть почувствовав необычность своего положения, мальчик насупился и посерьезнел.

Авокруг рдел и таял, благоухал, замирал густым дурманным зноем июльский день.

Тусклой латунию поблескивала мокрая глина обрыва Глинки. Подвижные блестящие в прихотливых извивах ручейков перечеркивали ее рдяными штрихами и зигзагами.

По другому берегу, в десятке шагов от воды, песок порос кустиками лопушистой мать-и-мачехи. Крапивные джунгли поднимались неприступной ратью. Дальше, за слегка выгоревшей зеленью олешиника, могуче и высоко по холмам темной глубиной зеленела густая хвоя елей, немой стражей высился бугристый лиственный лес. Над ним — небо, светло-голубое, ни единого облачка, ни единого дуновения ветерка. Зной, чудесный лесной зной.

И казалось, что Глинка — это маленькое потаенное озеро, бережно хранимое солнцем, летом и лесами для этой девочки с облупившимся носом и звонким именем — Глинка. Дивному этому совпадению я радовался и завидовал; завидую и радуюсь и сейчас.

Слева и справа от омутка за близкими излучинами еле угадывался говор перекаатов, неутомимых картавых говорунов.

У самого моего лица, как русалочьи волосы, шевелились ветви ивы.

Солнце, пробиваясь сквозь нависшую стожком кроу, пронизывало воду множеством тонких живых лучиков; в них суетились стайки юрких мальков, торкаясь губами в падающие мусоринки; я бросил им щепоть хлебных крошек — такая веселая кутерьма поднялась! Оказывается, и мальки ведут себя как куры: вот один упер здоровенную крошку, остальные — за ним, отнимать, а свои крошки побросали.

Среди сиреневых цветочков частухи ерзала и крутилась на камне похожая на заводную раскрашенную игрушку вертящая трясогозка.

Глинка и ее спутник молча лежали на краю берега. Она, как дитя, сосредоточенно гребла песок на живот. Мальчишка, подложив два кулака под подбородок, думал. Наверное, о ней: как это вечно прыгающая и смешливая девчонка с поцарапанными ногами знает что-то про реку и такую траву, которая моментально помогает от крапивы. И что же она тут делает весной или зимой? И почему в деревне все так интересно, хотя ничего особенного вроде и нету нигде?

Мальчишка вздохнул, перевернулся на спину.

— Ты чего, а, Вов? Ну чего ты, а? — лукаво улыбаясь, спросила Глинка и чуть отодвинулась. Вова скосился и, как мне показалось, иронически улыбнулся.

Немного помолчав, она осторожно, словно боясь ответа, произнесла:

— А ты когда уедешь? Скоро теперь, да?

Мальчик приподнялся на локте, огляделся. Потом решительно встал, выхватил из сумки ласты; полотенце вывалилось и устроилось на песке оранжевым холмиком.

Уселся вновь и заговорил прямо и твердо, словно хотел, чтобы его услышал еще кто-нибудь, кого здесь не было.

— Не уеду я теперь скоро. Вот увидишь. Не уеду. Не уеду, и всё! До самой школы буду тут, у бабки. Пускай они сами едут в свои лагеря.

Пыхтя, он принялся натягивать неподатливые ласты.

— И не боюсь я никого, понятно тебе? Пусть попробуют! Вон бабушка всегда им говорит, в деревне лучше, хороший воздух и еда что надо, а мамка с батей одно и то же: режи-им, пита-ание, игры, аттракционы. Мне этот режим вот так дома надоел. Послеобеденный сон! — скривился мальчик, словно этот невинный послеобеденный сон был последней гадостью на свете. — Да на черта он мне сдался?

— Ой, не ругайся ты! — засмеялась и прикрыла лицо ладонями Глинка.

— Да брось ты. Сама-то вот спишь после обеда хоть раз?

— Какого обеда? Ты что? Когда же тут спать?

Мальчишка презрительно сплюнул. Встал, попятился к воде.

— Не веришь? Не уеду. Поняла? Брось-ка там маску, в сумке. Ты когда-нибудь плавала с маской? Знаешь, как отлично все видно. Я тебя научу. Думаешь, уеду? Не веришь?

— Слабо! — подзадорила она.

— А спорим?

— Спорим, спорим. На твои вот эту маску и ласты, и трубку. Что, испугался, зажмотил?

— Я? Да я тебе все это так отдам.

Разбросав песок, девчонка вскочила на ноги, метнулась к воде, остановилась, прижав ладони к вспыхнувшим щекам; прыгнула обратно к ошеломленному мальчишке.

— Не уедешь? Побожись!

И, на секунду задержавшись, ткнулась выпяченными губами куда-то в висок ему, неуклюжему, ластиному. Но тут же, словно опомнясь, крепко и старательно поцеловала совсем растерявшегося мальчишку в уголок рта.

И через мгновение она была уже в реке. И яркий купальник, светлые волосы и загорелые тонкие руки весело и беспощадно мелькали в сияющем фонтане солнца и воды — и снова, как цветной нимб, как невидимый ей мимолётный, но вечный подарок и знак счастливой судьбы, возникла радуга над рекой и Глинкой.

Ятихонько выбрался в дремучий овражек, поднялся в лес.

Тихо шел я к своему заветному роднику, и представлял, как пройдут годы, и повзрослевший мальчик вспомнит однажды, в не лучший свой час, о речке Малой Коше, «глыбких и горазд рыбных омутах», о Глинке и ее детской тайне, о полузабытом летнем дне, радуге над девочкой. И, может быть, не станет хранить это воспоминание, ведь юность не любит детства.

Но как бы ни был человек счастлив потом, после юности, детство вспомнится ему обязательно — чем старше мы становимся, тем дороже нам невообразимо далекие образы детства.

И, может быть, этот человек как-нибудь расскажет своему другу о Глинке, и придут они сюда весной священной, к безвестной мелеющей речке, и посидят молча под черемухой на травяном берегу — взрослые и занятые, устроенные и обремененные; посидят молча: все уже рассказано по дороге. И молчание это будет озарено самой светлой и дорогой памятью — памятью детства. И пусть тогда скажет один из них: «Интересно, вот как бы узнать, где сейчас Глинка... Какая она?..»

Откровения СВЯТОЙ ДРЕВНОСТИ

В Государственной Третьяковской галерее (на Крымском валу) открылась уникальная по масштабу и значимости выставка шедевров русского искусства X–XIX веков «Святая Русь». Представлено около 450 произведений из 25 музеев, библиотек, архивов, а также один из редчайших экспонатов Лувра. Первоначально выставка демонстрировалась в Лувре в рамках «Год Франция–Россия 2010» (в несколько другом составе). Она вызвала серьезный культурно-политический резонанс, став откровением для французских зрителей. Было принято решение, чтобы выставка была показана и в России.

Пелена.
Явление
Богоматери
Преподобному
Сергию
Радонеж-
скому.
Последняя
четверть
XV века

Грамота Константинопольского Собора об основании Московского Патриархата. Май 1590 года

Панагия.
Камень — XIII век.
Панагия (оправа) — 1592 год

«Златые
врата».
Суздаль.
Первая
треть
XIII века

Во Франции выставка была организована по хронологическому принципу в нескольких залах, теперь же она размещается в меньшем помещении, и дизайнеры предложили другой способ показа. Каждая вещь рассматривается отдельно, уникальные шедевры древности должны заговорить со зрителем. Основная задача — не историко-познавательная, не желание обучить (хотя это не исключается), а в первую очередь — произвести впечатление.

Первое, что видишь, когдаходишь в выставочный зал, — «Златые врата» Богородице-Рождественского собора в Суздале. Это XIII век. Перед нами ворота в Средневековье, мы можем дотронуться до него рукой. Овеществленное время... Рассматривая на воротах клейма с изображением «Святой Троицы», «Распятия», «Рождества», слушая объяснения о том, что здесь использована техника «огневого зо-

лочения», заимствованная из Германии (что это за техника?), все больше проникаешься ощущением неведомого. Что же за мастера такие, что заботились не только о прочности, но и о красоте, роскоши и святости, умея соединить все эти качества? Разумеется, сработана вещь еще до нашествия Батые. Иначе откуда эта основательность? Строили как свободные люди — на века.

За «Златыми Воротами» попадаешь в лабиринт выгородок. Путеводители предлагают маршрут по определенным темам: «Крещение Руси и утверждение христианской веры», «Под покровом Богородицы», «Монастыри на Руси», «Святое в повседневно», «Русский православный храм»... Но определить этот маршрут достаточно сложно, да и само устройство выставки предполагает самостоятельность выбора. Конечно, в первую очередь хочется найти самую древнюю древность. Вот вещица из Лувра: оплечье,

Пелена.
Вьнос
иконы
«Богоматерь
Одигитрия».
Конец
XV века

Панагиар.
1435 год

часть парадного облачения князя Андрея Боголюбского. Дата — 1170-е годы. Замечательно оно изображением: «Воскрешение — сошествие во ад». Эллинистическое изящество и выразительность каждой детали. Возможно, искусство принадлежит византийскому мастеру, а византийское искусство впитало в себя элементы греческого искусства. А может быть, это был русский мастер, учившийся у грека...

Еще большая древность — Остромирово Евангелие (1056–1057) происходит из Софийского собора в Новгороде. Писалось Евангелие на пергаменте, украшалось изысканными орнаментами и миниатюрами. По преданию, миниатюры в этом Евангелии были исполнены заезжим греком, который писал по лучшим византийским образцам. Открыта рукопись на миниатюре с изображением евангелиста Луки (узнать его можно по символу —

Сретение
иконы
Владимир-
ской
Богоматери.
Середина —
вторая
половина
XVII века

Справа:
Золотой
оклад иконы
«Святая
Троица»
Андрея
Рублева.
Конец
XVI века

это крылатый Телец), перед ним стол со всеми принадлежностями для письма и рисования. Ведь он был иконописцем, — считается, что именно Святой Лука написал знаменитую Владимирскую Богоматерь. На многие века был покровителем художников. Он изображен в молитвенном предстоянии, интересно его обличье: выбритая макушка, короткая бородка и усы, как у восточных людей. Оказывается, Святой Лука был родом из Антиохийской Сирии.

Лежащую рядом в витрине рукописную книгу смотрим на компьютерной «листалке». Книга перелистывается сама — с начала до конца и с конца до начала, не быстро, хотя прочитать текст и рассмотреть миниатюры не успеваешь. Волшебная «листалка» создает иллюзию прикосновения, непосредственного знакомства. А вот видеоролик дает возможность прочитать «Житие князей-страстотерпцев Бориса и Глеба» (вторая половина XIV века) довольно спокойно и так же неспешно рассмотреть иллюстрации.

Техническая оснащенность выставки расширяет ее познавательные возможности и ее пространство. И это совершенно необходимо. Представленные на выставке макеты некоторых церквей и археологические находки — только напоминание о великих созданиях русской храмового зодчества.

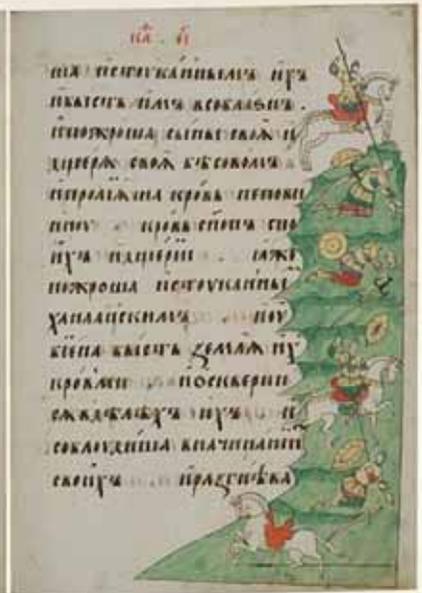
Разбросанные на колоссальных просторах России, в городах, селах, чудом уцелевшие, постепенно восстанавливаемые, они являют некое чудо. Эти храмы и иконопись — лучшие создания русского народного гения. «Здесь русская народная душа явила самое прекрасное и самое интимное, что в ней есть, — ту прозрачную глубину религиозного вдохновения, которое впоследствии явилось миру и в классических произведениях русской литературы» (Евгений Трубецкой.)

Иконы не сразу раскрывают себя, а могут и не раскрыть. Нас отделяет от них не только время, но и наше состояние, суетность, житейские заботы и — отношении к ним как к памятникам ушедшей эпохи. Рассматривая, чем отличаются иконы одного века от другого, замечая их аскетичную выразительность, звучность или приглушенность красок, можно и не понять их откровения. Они молчат. Но они ждут на-

Макет церкви Покрова на Нерли. Выполнен в 1940 году

Чаша водосвятная 1581 год

Пелена. Явление Богоматери Преподобному Кириллу в Симоновом монастыре 1620–1635 годы

Вверху: Остромирово Евангелие из Новгорода. Евангелист Лука. 1056–1057 годы

шего несуетного взгляда. Спрятанные в музейных залах и запасниках, они ждут встречи, чтобы открыться. Сколько видели они терзаний души народной, сколько слез и молитв о спасении и помощи!.. На выставке представлены все виды и жанры древнерусского искусства, но именно иконопись — ключ к представлению об особенном мироощущении, мирочувствии людей древней Руси, ключ к их духовному опыту.

В Лувре французские организаторы выставки предложили назвать ее «Святая Русь». Нужно полагать, они знали, что это расхожее выражение; оно встречается в русском фольклоре, в духовных песнях, его можно услышать даже в песнях Великой Отечественной войны. И оно очень полно выражало восторг французов перед привезенными шедеврами. Между тем понятие «Святая Русь» имеет долгую историю и непростое толкование. Кураторы вы-

Годуновская псалтырь 1594 год

Вверху: Велико-мученик Димитрий Солунский, с житием. 1586 год

ставки в Москве предлагают обратить внимание на древнее употребление этого выражения: «Святая Русь — это не реальная земля. В духовных стихах Святая Русь и Небесный Иерусалим стоят рядом. Это идеальный образ, идеальная модель государства, который существует как бы в параллельной стране и отчасти соотносится с реальной жизнью, отчасти в ней воплощается. В средневековом сознании этот образ противопоставлялся череде «погибельных царств» и воспринимался как преддверие Царства Небесного».

Бродя по лабиринтам выставки, ошеломляясь собранными здесь сокровищами, которые кощунственно назвать «экспонатами», понимаешь: несмотря на все «погибельные царства», — а может быть, и благодаря им, — Русь действительно была Святой.

Лия Осипова

Девочки (дневник матери)

Публикацию
подготовила
А. Раскина.

Продолжение.
Начало в № 8–12
за 2010 год
и в № 1–7 за 2011 год

**Гале Кулаковской 13 лет,
Саше Раскиной 7 лет 10 месяцев.
8 марта 50.**

Галя:

— Ох, мама, мне девочки поручили написать учительнице поздравление с Женским днем, а я не могу: опять — поздравляем, желаем, обещаем...

Саша:

— А ты пиши от души, тогда хорошо получится.

Галя:

— У меня душа неразговорчивая.

Саша:

— Как называть меня дурой, так она у тебя разговорчивая?

Почему так: на ругань душа разговорчивая, а на хорошие слова — молчаливая?

22 марта 50.

Саша:

— У меня очень хорошее расположение духа. Только бы меня никто не обидел.

25 марта 50.

Галя:

— Собак боится, темноты боится — какой же это мальчик?

Она же:

— Мне этот мальчик не нравится потому, что он развит не по летам.

1 апреля 50 — день рождения Корнея Ивановича!

2 апреля 50.

— Саша, ты что задумалась?

— Так...

— Ну все-таки... О чем ты думаешь?

— Про коммунизм.

— Что же ты думаешь про коммунизм?

— Я думаю, как хорошо всем будет. Будет много атома и все станут жить по 300 — 400 лет. И будут летать на звезды. Вот ты полетишь на какую-нибудь красивую звезду и будешь там пить чай со своими знакомыми...

7 апреля 50.

Саша рассказывает Гале сказку собственного сочинения: «...Бабы — так они называли женщин».

*

Саша:

— Мама, скажи мне что-нибудь ласковое!

Я:

— Мое сердце полно нежности к тебе, о дочь моя!

Саша, поморщившись:

— Я не люблю, когда говорят такие длинные слова. Скажи просто: «Я тебя люблю!»

*

Шура (мне):

— Ты что, хочешь со мной поссориться?

Саша:

— Вообще нет! Разве ты не видишь: у мамы очень дружелюбное лицо.

8 апреля 50.

В задачнике есть параграф: «Составить задачу о том, как брат подарил трем своим сестрам поровну картинок».

Саша составила такую задачу: жили-были три сестры, и они ухитрились сделать так, что рождение у них у всех было в один день. И вот, готовятся они к своему дню рождения, хлопочут. А их брат думает: «Что бы такое им подарить?» Смотрит, у него над кроватью висят картины — целых шесть. «Дай, думает, подарю им эти картины». И досталось каждой сестре по 2 картины, потому что, если $6 : 3$, то получится 2.

16 апреля 50.

Я:

— Саша, с едой баловаться нельзя!

Саша:

— Так же, как и с любовью?

У меня такой ошеломленный вид, что Саша находит нужным пояснить:

— Я это на плакате прочитала. Там написано: «С любовью не шутят».

3 мая 50.

Саша:

— В первый день коммунизма, наверное, будет большая толкучка в магазинах!

14 мая 50.

Саша, увидев на улице мальчика лет десяти:

— Эй, ты, нас скоро соединят!

Мечтает о совместном обучении. Утверждает, что мальчики гораздо лучше девочек.

5 августа 50. Ильинское.

Саша:

— Мама, тетя Аня говорит, что самое главное для человека — хороший желудок. Если у человека желудок работает хорошо, ему и работать хочется, и гулять, и настроение у него хорошее. А плохо работает желудок — и человеку на все наплевать. Разве это верно?

— Нет, неверно, — отвечаю я и произношу длинную речь на тему о том, что счастье не в желудке.

Слушая, Саша одобрительно кивает головой, а под конец говорит:

— Я тоже так думаю. Я потому тебя спрашиваю и все тебе рассказываю, что, мне кажется, тетя Аня внушает мне неправильные мысли.

Такая забота о чистоте своего мировоззрения очень меня утешает.

*

У Саши с Таней Урбанович есть нелепая игра:

— Что ты выбираешь: все лампы на свете или все ленты на свете? Все игрушки или все платья? Все книги или все велосипеды?

Играют подолгу, не утомляясь бессмыслицей. И вот я слышу:
— Всех пап на свете или всех мам?

Саша:

— Конечно, всех мам!

Позднее спрашиваю:

— Почему ты выбрала всех мам?

— Видишь ли... Бывает, отцы бросают своих детей, уходят из дому. А мамы никогда не уходят, правда ведь?

*

Саша — страшная трусиха. Для того чтобы уговорить ее спрыгнуть с невысокого барьера, потребовалось полтора часа. Уговаривала вся дача. Стыдили, укоряли, помогали, зывали к са-молюбию, ставили в пример Таню, которая прыгнула с балкона. Саша пытела, краснела, обиженно надувала губы и... не решалась.

— Подумай, как папа будет доволен, когда увидит, как ты прыгаешь! — сказала тетя Люся.

Тут Саша оживилась:

— У него будет разрыв сердца, когда он увидит это! — отве-тила она.

Но в конце концов прыгнула. И сразу уверовала в себя. И стала прыгать без передышки. Но мне очень неприятно вспоми-нать об этих полутора часах. Что-то тут не так.

1 сентября 50 Саша отметила в точности так же, как и в ми-нувшем году: вернулась из школы с ангиной. Канальство!

14 сентября 50.

Шура, из соседней комнаты, жалобным басом:

— Фрида, Саша меня передразнивает...

*

Саша:

— Мама, ты не красивая, но симпатичная...

Еще в прошлом году она считала, что я красивее всех на свете.

23 сентября 50.

Саша:

— Как годы летят!.. (Задумчиво.)

5 октября 50.

Сашу выбрали звеньевой октябрятской звездочки. Она не знает, куда деваться от гордости. Сообщает об этом всем гостям и по телефону малознакомым людям.

10 октября.

На Сашу напал стихотворный стих. Сочиняет она обычно на ходу, на улице. Направление в общем сатирическое:

Папа Шура —
Папа наш.
Вот берет он карандаш.
И пишет он поэму
Про нервную систему.

Или:

Мама Соня
Сквозь зубы уронит
На еврейском языке:
«Чтоб пропасть тебе в реке!»
Ножкой топ:
«Мишугине коп!» [1]

Мама Соня обиделась и не скрыла этого. Тогда Саша закри-чала:

— Мама, мама, не обижайся, я твои хорошие стороны тоже опишу.

*

Саша:

— Мама, какую отметку ты поставишь за такие стихи:

Я сижу, сижу одинокая,
Моя жизнь вся прошла, жизнь далекая...

— Видишь ли, если сравнить их с пушкинскими стихами...

— Ну что ты! Я понимаю: если сравнивать с пушкинскими, так это даже не единица. Ну а если не сравнивать?

— Все равно двойка...

Саша, со вздохом:

— Ты думаешь? Ну что ж, буду стараться дальше!

*

Мы были у Кены. Ее родители приехали с юга и привезли виноград. Чтоб не испортился, развесили его на прочной нитке. Саша поглядела-поглядела и сказала:

Головой касаясь винограда,
Я хожу по комнате чужой,
Но я этому совсем не рада:
Ведь виноград не мой!

И поспешно добавила:

— Я рада, это просто для рифмы!

12 октября 50.

Саша:

— Не знаю, право, чего хочет от нас наша учительница. В классе гробовая тишина, а она все недовольна и недовольна.

*

Мы с Сашей гуляем, я держу ее за руку.

— Пальцы какие тоненькие, — говорю я, — как бы не сло-мать.

— А ты сломай! Мама, ну, пожалуйста, сломай!

— Ну, что ты! Разве можно! Как же ты будешь без руки? И что скажет папа?

— Папа? А вот: ты придешь и скажешь: «Шура, я сломала Саше руку». А он очень тихо спросит: «Как это случилось?» Ты ответишь: «Саша меня об этом попросила». Тогда папа тихо скажет: «Фрида, мы видимся с тобой последний раз». И разойдется.

14 октября 50.

Саша:

— Мама, мне хочется написать на кого-нибудь рецензию!

18 октября 50.

Саша:

— Мне учительница сказала, что у меня большой запас слов!

Уж кто-кто, а мы знаем, какой у Саши запас слов. Шура ска-зал:

Не видел я ослов

С большим запасом слов.

Саша ценит юмор — не обиделась.

20 октября 50.

Саша:

— Мама, нас в классе спросили, что такое социализм? Я ска-зала: это половина коммунизма.

*

Запас слов действительно большой. Болтает с утра до вечера без передышки.

7 ноября 50. Галино письмо:

«Мамочка!

Оставляю мой и Сашин табель в ящике моего стола, разница, конечно, большая. Но *честное слово*, я все эти отметки во 2-й четверти исправлю. Сейчас я иду выступать в детский сад, а потом на Сретенку. Поздравляю с праздником. Не огорчайся. Галя».

11 ноября 50.

Саша:

— Мама, у нас сегодня в школе была делегация и два негра — один шоколадный, а другой синенький.

23 ноября 50.

Саша:

— Мама, я сделала вывод, что у нашего папы характер добро-душный.

6 декабря 50.

Саша:

— Дядя Фима [2] такой хороший, что его можно уже считать *негостем*.

Саша с Е. Г. Эткиндром («дядей Фимой»).

25 февраля 51.

Фима:

— Больше всех я люблю Пушкина. Потом Чехова и Толстого...

Саша:

— А Маршака?

*

Саша:

— Мама, по-моему Джамбул и Исаковский пишут одинаково. И тот и другой пишет про цветы и вождей.

11 апреля 51.

Саша:

— Мама, расстояние измеряется метрами и километрами, вес — граммами и килограммами... А любовь, чем измеряется любовь?

20 апреля 51.

Саша раза по четыре наново переписывает торжественное обещание. Готовится в пионеры. Галя читает устав комсомола.

25 апреля 51.

Саша нынче должна давать торжественное обещание. Но у нее насморк.

— Не пойдешь в школу! — говорит Шура.

— Как?! — Дом оглашается страшным воплем. Саша обливаясь слезами и причитает: — Как не пойду? А торжественное обещание?!

— Дашь осенью, ничего страшного, — спокойно возражает Шура.

— Все девочки — нынче, а я осенью?! — Новые рыдания и стенания.

Я иду в школу, разузнать, как и что. К счастью, все будет происходить не сегодня, а 27 апреля.

27 апреля 51.

Саша — пионерка.

15 мая 51.

Галя вступила в комсомол.

*

Саша:

— Мама, что это такое — «обобщать»?

— Обобщать? Гм... Обобщать — это делать выводы.

Ночью прихожу, застаю от Саши записку: «Мама, ты хотела зайти к Кене в 12. Но Кена звонила, что в 12 она в театре. Обобщение: приходи в одиннадцатый».

*

Саша:

— Мама, давай я останусь жить на Сретенке у мамы Сони и папы Абы.

— Ты что, Саша, совсем меня разлюбила?

— Мама, ну что ты. Разлюбить можно, если влюбишься. А если любишь — разлюбить нельзя.

*

Папа Аба:

— Что это у вас какой плохой замок? Обокрадут вас, смотрите!

Саша, с укоризной:

— Папа, в Советской стране — воры?!

*

Сашина учительница сказала:

— Сейчас вы будете писать сочинение о Первомайской демонстрации.

Саша:

— А если я не была?

— Саша! — сказала Ольга Адольфовна. — Ты говоришь неправду. Все дети были на демонстрации. Была и ты. Садись и вместе со всеми пиши сочинение: «Как я ходила на Первомайскую демонстрацию».

Саша послушно села и написала так: «Утро было солнечное. Трудящиеся стройными рядами шли на демонстрацию. В голубом небе был слышен рокот самолетов. Люди несли плакаты, лозунги, портреты. Всем было весело и радостно. Я шла с мамой и держала флажок».

28 августа 51.

Летом мы были в Песках. Я жучила Сашу с утра до вечера: по утрам она делала зарядку, обливалась холодной водой и училась плавать. Долго трусилась, но все же под вопли дяди Сени («Буду презирать! Перестану учить! Ненавижу трусов!») — научилась. Очень горда этим.

29 августа 51.

Галя:

— Послушай, мама, тут написано: «Этот халат — куртизанке в пору». Кто такая куртизанка?

Саша, не дав мне вымолвить ни слова:

— Куртизанка — это такая плохая женщина... Все время танцует... Жеманная...

*

Летом к нам ненадолго привозили Ниночку. Осенью ей уже идти в школу. Она хорошо читает и пишет печатными буквами. Я все думала, как сказать Саше, чтоб она не говорила с Ниночкой о ее родителях, но Саша сама сказала мне:

— Мама, ты не думай, я понимаю, что Ниночку ни о чем спрашивать не надо.

*

Ниночка сидит у Гали на коленях, прислонясь головой к ее плечу. Саша ходит неподалеку, вздыхает: то ли ей самой хочется поближе к Ниночке, то ли ей досадно, что не она на коленях у Гали. — Саша, — говорит Галя, — давай возьмем Ниночку в сестры!

*

Ниночка никогда не заговаривает о родителях. И вдруг спрашивает меня:

— Тетя Фрида, вы моей маме подруга?

— Да, Ниночка.

— Вы по ней скучаете?

— Очень.

И больше ни слова.

*

Ниночка сидит на крыльце, о чем-то думает, напевает потихоньку:

На окошке на девичьем
Всё горел огонек...

В лесу она спросила Галю:
— Галя, большие не скажут, а вот ты скажи: скоро моя мама
приедет?

*

Ниночка простудилась, ночью со слезами сквозь сон звала:
«Бабушка! Бабушка!»

Саша спустила с кровати босые ноги:
— Я, когда мне плохо, кричу «Мама!»

Саша, Ниночка Серман, Галя. Начало 1950-х.

Записи Ф. А. между 29 августа 1951 года и 22 июня 1952 года не были обнаружены ни в 1965 году, когда дневники передавались Лидии Чуковской для подготовки к печати, ни когда-либо позже. Теперь уже невозможно установить, вела Ф. А. свои записи в этот период или нет.

**Гале 15 лет 3 месяца, Саше 10 лет 1 месяц.
22 июня 1952. Пески, Поселок художников.**

Саша:
— Тетя Наташа, почему вы зовете папу «Александр Борисович», а он вас просто «Наташа»?
— Не знаю, Саша. Так уж получилось с самого начала.
— Значит, он вас называет без взаимности?

*

Наташа:
— У Саши трагическое мировоззрение.
Саша, мне, шопотом и тараща глаза:
— Это значит пессимистика.

*

Саша:
— Мама, я чуть не заблудилась. Иду, собираю колокольчики, думаю о коммунизме, а на дорогу не смотрю. И вдруг вижу: заблудилась.

*

Саша:
— Все, кто говорят неправду, попадут в ад. Она же, гадая на ромашке, спрашивает:
— Мама, что лучше: «насмехается» или «к черту пошлет»?
— А зачем ты гадаешь? Разве ты не знаешь, кто тебя любит, а кто нет?
— Что ты, мама! Мне только про тебя не надо гадать. Про папу, например, уже надо. Я совсем не уверена, что он меня любит. Он вчера кричал на меня и не взял в гости.

*

Зимой Саша ходила в семью Червинских, играла с шестилетней Наташей, испытала на себе уничтожающе-презрительное отношение 14-летнего Шурика, который, что бы ни делали Саша с Наташей — все жестоко осмеивал.

Однажды, я привела туда Сашу и Галю. Шурик преобразился, был мил, любезен, весь вечер играл с девочками.

В следующее воскресенье Саша снова пошла туда, на этот раз без Гали. Вернувшись, она рассказала:

— Шурик выскочил мне навстречу такой веселый, потом нахмурился и сказал:

— А где же Галя?

Я сказала:

— Она пошла на каток.

Шурик сказал:

— Значит, променяла телевизор на каток — так, так...

Потом он позвал нас с Наташей гулять и учил меня кататься на лыжах. И был весь день очень добрый. А когда я уходила, он сказал:

— Непременно приходи к нам *всей семьей*.

*

Я:

— Саша, я пойду в сад. Можешь придти ко мне.

Саша, хмуро:

— Именно «можешь» или ты *хочешь*, чтобы я пришла?

Я, устало:

— Хочу, хочу...

Саша: — Я этого не чувствую.

Немного погодя, уж после того, как я углубилась в работу:

— Может, тебе неприятно, что я здесь?

Недаром Наташа зовет ее занудой № 1.

(Когда я работаю, Саша сидит рядом — читает, или строит дома из шашек и плиток домино).

1 августа 52.

Саша, целуя меня перед сном:

— Пожалуйста, *будь!*

7 августа 52.

— Мама, у плохих людей кровь черная или красная?

— Красная.

— Как жалко. А то бы как хорошо было бы узнавать, какой человек — плохой или хороший? У тебя бы, конечно, была красная кровь, а у меня, — добавляет она скромно, — наверное, розовая.

10 августа 52.

Галя:

— Нет такого органа «душа».

Саша:

— Органа, может, и нет, а душа есть. Твои мысли — это душа, твоя доброта — душа, твой ум — тоже твоя душа.

12 августа 52.

Саша захворала. Лежит и все время размышляет вслух:

— Мама, почему мужчины никогда не пудрятя, не красятся и не стараются быть красивее, чем они есть на самом деле, а женщины стараются?

Мама, какой ужас: Галя говорит, что мы *продаем* Корею оружие, не отдаем, а продаем — неужели это может быть? Мама, когда у нас будет дача, мы не станем продавать клубнику, а будем раздавать ее даром, правда? Сколько кому надо, столько пускай и берет.

13 августа 52.

Температура высокая. Болит горло. Не жалуется. Все толкует мне: «Ты устала. Приляг. Отдохни».

Снова возвратилась к разговору о волшебной палочке. Прежде она говорила:

— Я сделаю так, чтобы настал коммунизм.

А теперь говорит:

— Я не буду загадывать, чтоб сразу наступил коммунизм, коммунизм лучше делать самим. Но я облегчу дело. Я загадаю, чтоб

все люди были очень хорошие, а тогда коммунизм наступит очень скоро. Только вот чего я боюсь: а вдруг волшебная палочка старая, древняя, и по ней хорошие люди — это всякие цари и короли? Вот чего я боюсь.

Я сделаю так, чтобы все трехэтажные дома стали высотными, чтоб города стали зеленые, чтоб коровы давали в день по 300 ведер молока. *Вот теперь, когда я всем помогла*, я примусь за нашу семью. Я хочу, чтобы у нас было 15 комнат...

— Зачем так много?

— Всем по рабочему кабинету, столовая, гостиная, чтоб там жили гости — дядя Фима, например. Это уже 8 комнат. Так. А спать мы все будем в одной комнате. Пускай у каждого занавески и ночной столик, но все вместе. Я боюсь спать в отдельной комнате.

Да, пожалуй, десяти комнат достаточно...

Под конец я загадаю, чтоб у меня была еще одна волшебная палочка, чтоб можно было загадывать спокойно, без оглядки, сколько хочешь.

*

Бойтся спать в отдельной комнате, а, между тем, когда заболела Ляля и я ушла к ней ночевать, Саша осталась на всей нижней половине дачи одна.

Аграфена Филатьевна предложила перебраться к ней, но Саша отказалась. Она одержима мыслью о силе воли. Хочет ее в себе воспитывать. Поэтому прыгает спиной с верхней ступеньки крыльца, с обрыва на речке и т. д. С помощью этой же мысли научилась плавать.

19 августа 52.

Мы читаем с Сашей «Князя Серебряного».

Саша:

— Мне жалко Вяземского.

— ??? Да что ты, Саша? Он народ мучил, грабил, кровь лил, как воду.

— Так ведь это, чтобы заглушить любовь.

*

— Мама, — говорит Саша, — вот что я прочитала в книжке: когда композитор Гюго...

— Такого нет.

— А какой есть вроде Гюго?

— Гуно, может быть?

— Вот, вот. Когда композитор Гуно был очень молодой, он говорил: «Только я!» Став постарше, он говорил: «Я и Моцарт». Лет тридцати он стал говорить: «Моцарт и я», а в старости сказал: «Только Моцарт!» А Моцарт, мамочка, это великий композитор, мы даже его песенку разучивали в школе: «О май, приди скорей!».

21 августа 52.

Саша:

— Мама, в каменном веке люди умели целоваться?

— Наверное, умели.

— Как хорошо!

Наташа:

— Почему хорошо?

Саша:

— Им приятнее было жить на свете.

25 августа 52.

Читаем вслух «Князя Серебряного». Мы с Наташей шьем, Саша читает. Подумать только: ей по-прежнему жаль Вяземского!

Оправдание всё то же: «Ведь это из-за любви!».

— Мама, если даже по-советскому рассуждать, все равно князь Серебряный хороший человек — правдивый. А Годунов мне нравится такой, как у Толстого, а не такой, как у Пушкина. А тебе?

*

— Мама, Игорь Михайлович — дворянин?

— С чего ты взяла?

— А как же! Ведь он — как Д'Артаньян: Д'Яконов.

27 августа 52.

— Вот еще, мама, какое у меня есть желание для волшебной палочки: чтоб глаза у меня стали синие, а губы красные-красные, как накрашенные, но только чтобы все понимали, что они не на-

крашенные. А выражение глаз чтоб осталось прежнее, чтоб все понимали: это я, а не другая девочка.

*

Она как бедная Эльза:

— Мама, если у тебя будет еще один ребеночек, я окажусь средней дочерью, а в книгах средние дочери всегда самые плохие. Как же быть?

— Мама, когда у меня будут дети, ты будешь любить их больше, чем меня, говорят, внуков любят больше, чем детей, так говорит папа Аба. Как же быть? Что же ты не отвечаешь?

— У нас есть еще время подумать обо всем этом.

— Тогда уж поздно будет думать...

*

— Мама, мне иногда так тоскливо бывает.

— Почему?

— Потому что не коммунизм. Потому, что еще довольно много плохих людей на свете...

28 августа 52.

Саша осунулась и похудела после болезни:

— Была я как помидор, стала, как огурец...

*

Саша:

— Мама, знаешь, что в учебнике сказано про славян? Они были широкоплечи, высоки, светловолосы, голубоглазы и в еде неприхотливы. Получается, что Галя — славянка, только глаза у нее карие, и в еде она, по-моему, прихотлива.

*

Галя:

— Мама, можно грушу?

Наташа:

— Возьми пример с Саши и воспитывай волю: тебе хочется, а ты не бери.

Галя:

— Хорошо, я буду воспитывать волю; когда мне очень захочется заниматься, я преодолею свое желание и заниматься не стану.

*

Саша:

— Мама, ты могла бы дружить с женщиной, которая красит ресницы?

— Могла бы.

— Ты могла бы дружить с женщиной, которая красит ресницы?!!

Я не сказала ей, что уже дружу с такой женщиной.

*

Лето у ребят было очень хорошее. Сначала Галя изнывала от скуки и не знала, куда себя девать, и нам всем было от этого очень худо, потому что она с горя обходилась в разговоре с нами довольно скупым набором слов: «Ну и ладно!», «Подумаешь», а на любое замечание отвечала: «Мне скучно».

А потом появилась целая туча ее сверстников — один будущий архитектор, другой — биолог, третий — художник, и еще Алена с Егором.

Купались, играли в лесу в прятки. Вызывали друг друга условным свистом.

Заслышав свист, Галя сломя голову кидалась к калитке, а Саша бежала за ней, вытаращив в испуге глаза, смертельно боясь, что ее могут не взять. Но ее брали.

Дачный сезон закончился постановкой пьесы «Горе-злощастье» и концертом («Соло на скрипке — Валерий Елкин»).

Галя играла заморского королевича и была, как говорится, в образе, потому что подавала реплики в своей обычной манере — ворчливо и недовольно: «Хоть вы мне и тещь, а ваша дочь — моя супруга, но я от вас уезжаю: что это такое — денег нет, третий день к обеду вина не подают, и батюшкину шпагу пришлось заложить...»

Роль Горе-злощастья исполнял двенадцатилетний Егор. На репетициях он терял то горб, то живот, но на спектакле лицом в грязь не ударил.

В душе у Саши бушевала буря: она сама точила зубы на эту роль, но захворала. И кроме того было еще одно непреодолимое

«Горе-злосчастье». Участники — слева направо: генерал — Миша Пименов (биолог), солдат — Лева Шепелев (художник), царь Демьян — Валерий Елкин, режиссер — Галя Фрих-Хар, заморский королевич — Галя Кулаковская, царевна Анфиса — Алена Вальтер, казначей — Саша Миримов-Лентулов (архитектор); на переднем плане: Горе-злосчастье — Егор Вальтер.

препятствие: Горе-злосчастье в первом действии должно сидеть высоко на дереве, а по деревьям Саша лазить не умеет.

— В будущем году научусь, непременно научусь, — повторяет она, как заклинание, и не забывает добавить: — Только бы папа не помешал... Папа всегда стоит мне поперек дороги.

5 сентября 52.

У Саши 37,8.

— Мама, при коммунизме никаких справок не будет — всем будут верить на слово. Ведь при коммунизме никто врать не станет, верно?

— Да, наверное.

— А ты почему так думаешь?

— Ты ведь сама говоришь, что коммунизм будет только тогда, когда все люди станут очень хорошие. А хорошие люди не врут.

— Врут только плохие?

— Да.

— Ой, значит я плохая?

— А ты разве врешь?

— Случается. Когда, например, ты спрашиваешь меня, чищу ли я зубы. Потом знаешь, мама, какое меня сомнение берет? Ты говоришь, что Галя очень правдивая. А я думаю — не такая уж она правдивая.

— Почему ты так думаешь?

— А потому что она часто мне говорит: «Ты врешь!» И как раз тогда, когда я говорю правду.

*

Саша:

— Когда я буду учить детей, я *никогда* не буду на них кричать.

*

— Тетя Нора — вот это женщина: не пудрится, не красится...

*

— Папа, знаешь, какое твое самое любимое выражение?

— Какое же?

— «Ну что ты там так глупо хихикаешь?»

*

Я:

— Этой зимой Саше непременно надо купить коньки.

Шура:

— Безусловно.

Саша:

— Папа, ты остришь или говоришь серьезно?

6 сентября 52.

Саша:

— У папы есть еще одно любимое выражение: «Поговори, поговори у меня!». И еще у папы любимое выражение: «Пороть! пороть! пороть!»

7 сентября 52.

Саша:

— Папа, ты умный?

Шура:

— А как же!

Саша:

— Тогда быстро-быстро скажи мне какое-нибудь животное на «а», только не антилопу.

Шура:

— Орангутанг.

Саша:

— Ну, что ты, папа! Как будто я не знаю, что «оранг» начинается с «о»!

Шура:

— Аллигатор!

Саша:

— Ух ты!!!

*

Саша:

— Mam, как жалко, что я не была большой во время войны.

— А что бы ты тогда делала?

— У-у-у!

*

Саша читает рукопись, присланную мне на рецензию.

— Не нравится, — говорит она.

— Почему?

— А тебе разве нравится?

— Тоже нет. Но я пока не могу объяснить, почему.

— А я могу, — говорит Саша. — Тут много возвышенных слов, которых ты не любишь. И есть еще другие слова — не возвышенные, но противные: «первоклашки», «непроливашки», «малышки».

Когда я была маленькая, мне все рукописи нравились. А теперь не все. Ты мне раз объяснила про одну рукопись, почему она плохая, и я поняла. Когда я была маленькая, мне очень нравилась книга «Уходим завтра в море». Я три раза ее читала и каждый раз она мне нравилась. А теперь прочитала и вижу: плохая книга и писатель нетактичный.

— ?

— Ну как же. Один отец говорит товарищам своего сына: «Очень хорошо, что вы приняли его в свою дружную семью. А то его мамаша очень его избаловала». Разве можно так про мать говорить?

(Продолжение следует)

[1] «Сумасшедший» на языке идиш.

[2] Ефим Григорьевич Эткинд, ленинградский литературовед, друг Ф. А. и А. Б. В 1949 году, в разгар борьбы с космополитизмом, был уволен из университета, не мог найти работы в Ленинграде и преподавал в Туле. Семья оставалась в Ленинграде, и он часто ездил туда и обратно, останавливаясь по дороге в Москве «на Ермолаевском».

«Почему я выбрал Гайдара?»

Мариетта Чудакова написала биографический роман «Егор. Книжка для смысленных людей от десяти до шестнадцати лет». Печатаем глав о детстве и отрочестве героя романа редакция отмечала 55-летие со дня рождения Егора Тимуровича Гайдара. В этом номере мы печатаем несколько глав из центральной части готовящейся к печати книги.

Это был человек дела и вместе с тем мыслитель; он действовал безо всякого усилия над собой, движимый неукротимой жизненной энергией, отличался редкостным упорством и никогда не страшился возможных неудач. Большие познания сочетались у него с практическим складом ума и, как говорят солдаты, с большой сметкой; к тому же он выработал в себе замечательную выдержку и ни при каких обстоятельствах не терял головы, — короче говоря, у него в высокой степени развиты были три черты, присущие сильному человеку: энергия физическая и умственная, целеустремленность и могучая воля.

Жюль Верн, Таинственный остров.

Видишь, товарищ, заря поднимается...
Вновь за работу народ принимается...
Там, где труднее и круче пути,
Гайдар шагает впереди!

Из песни 1962 года

...И настал день, когда отступать больше было некуда. После победы народа над августовским путчем 1991 года Советский Союз разваливался на глазах. Союзные республики больше не хотели подчиняться Москве. Никто не желал включать по утрам телевизор с замиранием сердца: не появились ли опять танки на улицах столицы?..

И никто не хотел торговать продуктами... Те, кто их производили, — ждали подходящей цены. А отнимать силой: помимо всяких других соображений, — не было необходимых для этого сил. Ельцин не хотел, как в 1918 году, посылать вооруженные продотряды в деревню.

Денег в казне не было вообще. Многочисленные кредиторы стояли на пороге. Канадские суда с импортным зерном (мы — страна, когда-то снабжавшая зерном весь мир, — ввозили его с 1963 года — конечно, под страшным секретом, не оповещая об этом собственное население) стояли в портах, не разгружаясь. Они ждали оплаты, а нам платить было нечем.

Страна подошла к краю пропасти.

Ельцин принял решение — сформировать новое правительство и начать радикальные реформы.

...Сегодня члены тогдашней «команды Ельцина» обсуждают вопрос — почему Ельцин выбрал Гайдара, которого рекомендовал ему Геннадий Бурбулис? Сам Бурбулис познакомился с Гайдаром за две-три недели до этого — 20 августа, в Белом доме, в ожидании штурма...

Г. Бурбулис. «...Я считаю, что окончательно для Ельцина стимулом, мотивом для принятия решения явилась личная встреча с Гайдаром. Когда Борис Николаевич, человек не без психологического изящества, не без какой-то внутренней эстетики, встречается с человеком, который ему по этим параметрам отнюдь не уступает, то для Ельцина это был сильный удар.

При этом он видит молодое дарование, которое достаточно спокойно и очень четко излагает свои взгляды, в

отличие от разного калибра косноязычных невежд, от которых ему за эти годы пришлось наслушаться всякой самоуверенной болтовни.

...Таким образом, первая предпосылка выбора Гайдара содержательная. Вторая, не менее важная, ее усилившая: у Ельцина мощный слух на то, что называется социальной глубиной. Он смотрит внутрь человека. Они еще немножечко там вспомнили «наши свердловские корни». Бажов, дедушка Бажов, улица Чапаева (на ней стоит дом, в котором в детстве бывал Егор у бабушки, а затем — музей П. П. Бажова. — *М. Ч.*), детство Егора, «Малахитовая шкатулка»... Это какое-то редчайшее братание. Вдруг получается: мы из одних земель, из одной вулканической породы, одного корня... Потом Гайдар — романтик (подразумевается, видимо, — Аркадий Гайдар. — *М. Ч.*). Вот этот утопизм, мифология большевистской удали, служения идее — это тоже в парне присутствует. И этот код историко-культурный и социально-романтичный — все спрессовалось. И он [Ельцин] наверняка — мы это потом немножко обсуждали — представил, как здорово зазвучит, скажем, в сознании масс и первая, и вторая корневая система, и как она может быть воспринята доброжелательно...

Вот эти три фактора: ясность программы, во-вторых, четкость личностная, где сочетание хорошего ума с практичной волей, и эти предпосылки, историко-культурные коды: Бажов, Гайдар...».

(Забегая вперед, скажем: так все оно и было. «Социально-романтичный» расчет тоже оказался верным — людям России понравилось, что выручать страну в острой ситуации поручено внуку Аркадия Гайдара...

...И нужны были большие пропагандистские усилия тех, кто с концом советской власти потерял свои спецпапки, свои привилегии, чтобы внушить людям, что в их тяготах — следствиях реформ — виноваты не десятилетия «планового хозяйства», а лично Егор Гайдар).

Б. Н. Ельцин. «...И все-таки внятно объяснить свой выбор все равно непросто. Самое главное — и теперь я в нем не раскаиваюсь. И еще знаете, что любопытно — на меня не могла не подействовать магия имени. Аркадий Гайдар — с этим именем выросли целые поколения советских детей. И я в том числе. И мои дочери.

Егор Гайдар — внук писателя... И я поверил еще и в природный, наследственный талант Егора Тимуровича».

Сам Егор Гайдар считал, что тут не обошлось без второго деда — Павла Бажова, без общих уральских корней...

Добавлю и некоторые свои соображения.

Ельцин устал от тех, про кого в России говорят — «мужик»: «отличный мужик», «настоящий мужик». Устал от их мата, густо покрывающего поле любой беседы. Сам он никогда не прибегал к этому обычному способу российского общения. Жена и дочери вздрагивали, когда его сотоварищи, «приняв на грудь», начинали слишком вольно выражаться за их домашним столом.

И вот перед ним был тот, к кому слово «мужик» никак не прилипало.

Возвращаясь к перечню различий, — язык и жизненные ценности у этих очень разных людей оказались как раз во многом общие.

Глубоко интеллигентная манера поведения Егора Гайдара в сочетании с несомненной честностью Ельцину необычайно импонировала. Обещалось что-то новое, большого масштаба...

Альфред Кох. Ельцин часто встречался с такого рода образованными и умными людьми, которые могли бы вот так ясно и четко излагать? Егор ведь имел очень свежий язык, яркий, образный. Так не говорили чиновники. Это было очень неожиданно для Ельцина, который в основном общался с номенклатурой. Это было для Бориса Николаевича то, что Петя [Петр Авен] называет культурный шок?

Г.Бурбулис: Не знаю насчет шока, но очарование было. И возникшее следом как бы покровительственное доверие.

Заседание Правительства РСФСР 15 ноября 1991 года

Итоги изучения нынешнего российского общества поразили даже самих организаторов опроса. Большинство россиян (около 70%) не согласны с тем, что у инициаторов реформ не было другого выхода и что предпринятые ими меры перезагрузки жизни в стране были безальтернативны.

Независимая газета, 23 июня 2011 г.

...Началось спешное формирование нового правительственного кабинета — такого, который во главе с Гайдаром сумеет провести остро необходимые и неизбежно болезненные для каждого в России реформы.

«Были и забавные эпизоды, — вспоминает первый заместитель Гайдара в его кабинете Андрей Нечаев. — Мы единодушно решили, что министром образования должен стать Борис Салтыков, которого многие из нас знали... Борис Георгиевич много лет занимался вопросами экономики и организации научных исследований. ...Звонок ему из-за дефицита времени состоялся в два часа ночи. Разбуженный Салтыков решил, что его неудачно разыгрывают, и посоветовал нам всем меньше пить (совершенно несправедливо, надо сказать, так как нам было тогда не гуляний). Пришлось звонить снова. Не до конца поверивший и со второго раза, осторожный Салтыков попросил время до утра. Но утром уже обсуждал с нами, едва державшимися на ногах после многих бессонных ночей, задачи и детали своей будущей работы...» (*Россия на переломе... М., 2010*).

Наступил решительный день.

Придя на заседание правительства уже вместе с Егором Гайдаром, Ельцин поздравил всех «с назначением членов Правительства Российской Федерации, правительства реформ, так будем называть. ...Надо было сформировать, самое главное, единую команду. И мне, например, кажется, что это удалось. ... Действительно, люди все нравственно чистые и не позволяют втянуть себя в дрызги друг с

другом вместо того, чтобы заниматься очень плотно и очень много нашими российскими делами. Я убежден и верю лично в назначение каждого члена правительства».

Конечно, Ельцин сразу оценил, какой мощный коэффициент полезного действия может дать единственная в своем роде «тимуровская команда» — правительственная команда единомышленников! Кабинет министров, в котором нет подковерной борьбы, нет взаимного подсиживания, а все объединены общей труднейшей задачей — и все более или менее одинаково ее понимают (в отличие от предыдущего кабинета)!

Андрей Нечаев вспоминает, что еще до того, как они стали кабинетом, а все вместе составляли по заданию Г. Бурбулиса экономическую программу для Ельцина, «все было как-то очень по-доброму, по-товарищески — никакой вражды, зависти, соперничества... Да и трагизм положения в стране не оставлял места для личных амбиций».

...Тем более все они понимают, говорил дальше Ельцин, в какое время они приходят руководить Россией.

«Такого кризисного состояния не было, может быть, за всю историю России: экономического, финансового, материального обеспечения людей, социальной сферы, культурной, духовной, в развитии промышленности, сельского хозяйства, транспорта, экологии. Что ни возьми, то не просто проблема, а или кризисная ситуация, или близкая к катастрофе. Действительно, мы оказались сейчас на узкой тропинке, которая идет по краю пропасти, а одна нога уже практически в пропасти. И вот надо успеть пройти по этой тропе, и надо все-таки за достаточно короткий срок — столько, сколько выдержит народ, чтобы не выйти на улицу и не смести всех нас. Кстати, вместе с другими республиками».

Отсюда ясно, что не Ельцин и Гайдар разрушили хозяйство страны — они пришли на уже разрушенное и думали над тем, как что-то спасти.

Многие в том зале выслушали слова Ельцина с тревожным изумлением.

Они, конечно, видели, что происходит и куда неудержимо катится огромная страна. Но им не хватало бесстрашия для того, чтобы отдать себе полный отчет в происходящем — и, следовательно, взять на себя ответственность за решительные и, конечно же, непопулярные действия.

«Да, действительно, — продолжал Ельцин, — ответственность на нас большая, потому что каждый из нас понимает, что мы идем все-таки в рискованную зону и идем с риском для дела, для политической карьеры своей и авторитета, чего угодно. Но я, например, лично на это пошел открыто, прямо и не сомневаясь, потому что все-таки у России огромные возможности и огромный потенциал».

Ельцин рисковал больше всех. Его ставка была самой высокой. Потому что ему больше, чем кому-либо из присутствующих в том зале, было чем рисковать. После трех августовских дней его авторитет был огромным. Теперь он положил его весь, без остатка, на заведомо непопулярные реформы — уверившись, что они необходимы его стране.

«— Первый вопрос — о системе неотложных мер по реализации экономической реформы.

Егор Тимурович Гайдар, пожалуйста».

И все взоры устремились на вышедшего к трибуне.

Явление Гайдара

Каждому из присутствовавших с детства была знакома эта фамилия — Гайдар.

Носивший ее молодой человек был неизвестен почти никому из тех, перед кем он появился в этот поистине исторический момент.

Волновался ли он?

Наверняка, и очень.

Был ли уверен в себе?

Вне всяких сомнений.

Главное — он был уверен в правильности своего выбора.

А понравится он или не понравится сидящим в зале — об этом Егор Гайдар наверняка совсем не думал. Просто не умел.

— Уважаемые товарищи!

Этот совсем молодой — по меркам сидевших в зале правительственных чиновников — человек с первых звуков слегка задышающейся речи приковал к себе все взгляды.

Невооруженным глазом было видно, что он слеплен из другого теста, чем почти все они. И его, например, ни капельки не занимает, как отразится предлагаемая им реформа на его карьере, на продвижении по служебной лестнице.

Да и куда ему было двигаться по ней? Он был поставлен президентом России Ельциным на самую верхнюю ее ступеньку.

Но ведь сверху падать больнее.

Как ни старались слушавшие — ничей опытный глаз не различил на детски розовощеком лице (эта детскость многих особенно внутренне раздражала) озабоченности этим будущим своим падением. Ничего — кроме озабоченности судьбой страны...

И какое-то неудобство воцарилось в зале. Как будто среди присутствующих оказался марсианин. И всем надо было делать вид, что ничего особенного — обыкновенный марсианин.

*

Гайдар с первых слов описал главную сложность осуществления реформы — «Россия не имеет всего набора атрибутов государственности и механизмов государственного управления экономикой...». А никто и не озабочивался в советскую эпоху, стремительно, на глазах уходящую в прошлое, чтоб у РСФСР, как у всех других республик, были свои институты... Сейчас это работало против России.

В этих сложнейших условиях Гайдар выстроил цепочку необходимых действий.

Вспоминает А. Чубайс: доклад Гайдара «занял, наверное, всего минут 15. Но все темы, затронутые в нем, — либерализация цен, либерализация внешнеэкономической деятельности, конвертируемость рубля... В 15 минут было втиснуто больше полудюжины реформ, каждая из которых назревала десятилетиями. Решиться на их проведение советская власть так и не смогла. Тот же вопрос о либерализации цен Правительство СССР за предшествующие семь-восемь лет обсуждало неоднократно, но не сделало ни одного содержательного шага».

Гайдар обозначил программу, «каждый пункт которой требовал месяцев дискуссий и консультаций». Но именно потому, что были бездарно упущены годы и годы, теперь у членов нового правительства «такого времени физически не было. На всю процедуру принятия решений отводилось двое-трое суток...»

Тогда это стало возможным только благодаря тому, что предшествовавшие 10 лет работы нашей команды были полностью посвящены профессиональному осмыслению одного единственного вопроса: «Как преобразовать советскую экономику?». И все 10 лет мы не раз писали и переписывали проекты документов — постановлений, решений, указов — по ключевым аспектам преобразований.

Для нас, соратников Егора Гайдара, его выступление тоже стало поворотной точкой. Мы впервые не дискутировали между собой, а предлагали комплект указов Президента и постановлений Правительства... И продуманность всего комплекса мероприятий была такой, что практически все решения «с колес» превращались в государственные документы». Это было совершенной новацией в сравнении с неповоротливой машиной советского управленчества — тем самым, что неуклонно двигало страну к краху.

Теперь документы, готовившиеся самой квалифицированной командой экономистов в стране, «с колес» шли в работу, выводя страну, на десятилетия застрявшую в историческом тупике, на ту дорогу, по которой давно шли цивилизованные страны.

«Из предложенного Егором набора мер 90% было реализовано».

*

...Сегодня, когда вы видите на очень серьезных должностях двадцатипятилетних людей — и они прекрасно справляются! — вы вряд ли поймете, какое впечатление производило на все российское общество сформированное Гайдаром правительство. (Недаром один из их недругов впоследствии ядовито сказал: «Мальчики в розовых штанишках!..»)

Но именно Гайдар и начал это изменение самого внешнего облика нашей страны.

В советское время главным критерием при выдвижении человека на должность министра был достаточно большой «опыт руководящей работы». Все остальное — второстепенно.

Гайдар круто поменял критерии. Это стало частью его подспудного реформирования всей системы.

Некоторые его министры не имели ни малейшего «бюрократического» опыта — никогда и ничем не «руководили».

А откуда было взяться такому опыту?

Во-первых, в недавнем «брежневском» прошлом невозможно было представить себе на посту любого руководителя — да хоть бы баней или прачечной — человека моложе тридцати лет. А все гайдаровские министры в те годы как раз и были «моложе».

А во-вторых, «приличные люди», то есть те, кто хотели сохранить уважение к самим себе, начиная примерно с конца 60-х, уже не могли себя представить в среде советского «начальства». И, соответственно, не нажили опыта руководства чем бы то ни было.

Но в конце 1991-го для того, кто намеревался реформировать страну, важны стали совсем другие качества.

Гайдар считал «самым ярким примером в этом плане» своего министра по внешнеэкономическим связям Петра Олеговича Авена. «Интеллигентный парень, хорошо разбирающийся в экономике, знаток русской литературы, выпускник элитной 2-й математической школы, затем экономического факультета МГУ...

Никогда не работал чиновником, ничем, кроме своего письменного стола, не заведовал...

...Вопрос о замене Авена Борис Николаевич обсуждал со мной регулярно. Основной аргумент был один и тот же: «Ну, Егор Тимурович, он, может, и хороший специалист, но вы же видите — не министр»».

Ельцин, хоть и резко, как никто другой из его поколения, развернувшийся в сторону демократии, в сторону новой России, не мог отбросить старые критерии, с которыми просто сросся, руководя много лет Свердловской областью и постоянно решая «кадровые вопросы».

«...Отнюдь не только товарищеские чувства заставляли меня каждый раз защищать Петра Олеговича и категорически выступать против его отставки. Для меня все его недостатки перекрывал тот фундаментальный факт, что он прекрасно понимал общий замысел преобразований и мне не надо было контролировать его действия по подготовке к введению конвертируемого рубля... В целом, я был в этом убежден, стратегическая линия будет выдержана. Как мне кажется, я не ошибся. Сегодня я твердо знаю, что никто из руководителей российских министерств не сделал для введения конвертируемости рубля больше, чем Петр Авен».

Какой грандиозный бесшумный переворот произвело в нашей стране это действие — сегодняшним читателям этой книги, выросшим при конвертируемом рубле, в окружении валютных «обменников», объяснить очень трудно... Но попробую.

«У меня, может быть, полный примус валюты!» — когда сегодняшние подростки читают в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» эту реплику кота Бегемота — им, конечно, смешно: валюта в примусе!..

Но само слово «валюта» особых эмоций не вызывает. Потому что они с раннего детства знают, что валюта — это доллары или евро. И что если родители собираются в отпуск или еще зачем-либо за границу и у них нет банковской карточки — они могут в обменном пункте купить на рубли валюту. Столько, сколько смогут себе позволить.

В Советском Союзе это слово воспринималось совсем иначе. Нигде во всей стране нельзя было легально ни купить, ни продать ни одного доллара, немецкой марки, французского франка (евро тогда еще не было)...

«Сдавайте валюту!», или Дело Рокотова

Какая б ни была вина,
Ужасно было наказание!
А. Пушкин. Бахчисарайский фонтан, 1822.

В «Мастере и Маргарите» Босому снится сон — «что зал погрузился в полную тьму и что на стенах выскочили красные горящие слова: «Сдавайте валюту!» Потом опять раскрылся занавес и конференсье пригласил:

— Попрошу на сцену Сергея Герардовича Дунчиля.

Дунчиля оказался благообразным, но сильно запущенным мужчиной лет пятидесяти.

— Сергей Герардович, — обратился к нему конференсье, — вот уже полтора месяца вы сидите здесь, упорно отказываясь сдать оставшуюся у вас валюту, в то время как страна нуждается в ней, а вам она совершенно ни к чему, а вы все-таки упорствуете. Вы — человек интеллигентный, прекрасно все это понимаете и все же не хотите пойти мне навстречу.

— К сожалению, ничего сделать не могу, так как валюты у меня больше нет, — спокойно ответил Дунчиля.

Ну, тут обнаруживается, что она у него как раз есть — выносит ее на подносике его красавица-любовница.

«Дунчиля отступил на шаг, и лицо его покрылось бледностью. Зал замер.

— Восемнадцать тысяч долларов... хранил Сергей Герардович в городе Харькове в квартире своей любовницы Иды Геркулановны Ворс, которую мы имеем удовольствие видеть перед собой и которая любезно помогла обнаружить эти бесценные, но бесцельные в руках частного лица сокровища...

Тут рухнул передний занавес и скрыл всех бывших на сцене.

Бешеные рукоплескания потрясли зал...

— В лице этого Дунчиля перед вами выступил в нашей программе типичный осел. Ведь я же имел удовольствие говорить вчера, что тайное хранение валюты является бессмыслицей. Использовать ее никто не может ни при каких обстоятельствах, уверяю вас.»

На последнюю фразу — как, впрочем, и на все, выделенные мной жирным шрифтом, — обратите особое внимание. «Ни при каких обстоятельствах!»

Про это и пойдет наш дальнейший рассказ — о судьбе трех молодых людей, занимавшихся в советское время скупкой и продажей валюты.

Рокотов, Файбышенко и Яковлев — эти три имени в 1961 году были у всех на устах.

*

Начнем с конца — с письма отца Рокотова (инвалида, с обеими ногами, ампутированными выше колен) Хрущеву с просьбой о помиловании сына и с изложением его короткой биографии: «...Когда ему было 3 месяца, умерла его мать. Моя мать, т.е. бабушка, взяла к себе ребенка, вырастила и воспитала его. Я тем временем был откомандирован на Дальний Восток...

В первом классе школы с Яном опять случилась беда — девочка, сидевшая с ним на одной парте, нечаянно проколола ему глаз, и он ослеп на этот глаз.

Семнадцать лет — в 1945 году, когда, окончив школу, собирался поступить в институт, он был репрессирован и почти десять лет просидел в тюрьме и в лагере. Лишь в 1954 г. (до окончания срока) он был полностью реабилитирован и вернулся домой в возрасте 27 лет, не получивши в лагере никакой специальности или профессии». Это не помешало журналистам во время судебного процесса писать, что он «не хотел учиться и остался неучем. Ведь из материалов следствия и судебного процесса совершенно ясно, что Ян не мог продолжать учебу потому, что почти 10 лет без вины пробыл в лагере. Но пусть это будет на их совести».

Все газеты в тот год (когда герою нашей книги было 5 лет — и он обыгрывал отцовских гостей в шахматы) писали об этом судебном процессе. И все — одно и то же. Разные мнения об общественно-важных событиях тогда в печати не высказывались.

Что же это был за процесс?

...С середины 30-х годов (к этому времени иностранные инженеры, которых в 20-е годы на заводах и советских стройках было немало, в панике покинули страну — если успели до лагеря) и до середины 50-х иностранцы на улицах Москвы были большой редкостью. После смерти Сталина и особенно после доклада Хрущева на XX съезде КПСС в конце февраля 1956 года ситуация начала меняться. Интуристов в Москве стало много.

Они приезжали к нам с ВАЛЮТОЙ в бумажниках. А слово ВАЛЮТА в Советском Союзе имело стойкий запах уловщины.

Валюта могла быть только в руках у государства — и ни в коем случае не в руках у частных лиц. Она выдавалась при заграничных командировках чуть ли не в последний момент — и ни один доллар, франк или марка (тогда еще не было единой европейской валюты — евро) не должен был застрять в вашем кармане при обратном пересечении границы.

Бывший советский диссидент, историк И. Фильштинский, вспоминает:

«Когда в 1961 году я узнал из газетного фельетона о суде над Яном Рокотовым, выглядевшим под пером журналиста страшным злодеем... я невольно вспомнил хрупкую фигурку в грязной, рваной телогрейке, представшую перед нами в зимнюю пору в лагерном бараке. Разумеется, о прошлой горькой судьбе Рокотова в фельетоне ничего не говорилось».

Это был невысокого роста худенький юноша, казавшийся значительно моложе своих лет. За годы работы на лесоповале в режимной бригаде, где его систематически избивали за невыполнение нормы (которую, к слову сказать, редко кто выполнял), он на время утратил способность сознательно воспринимать действительность». Перестал, например, узнавать хорошо знакомых людей. Когда после отсидки, говоря лагерным языком, большей части срока (сидел он, разумеется, по 58-й — «антисоветской» — статье) с него были сняты режимные ограничения, «молодые жизненные силы Яна взяли свое, и через несколько месяцев его психическое состояние полностью восстановилось. Он даже сумел как-то «приспособиться» к лагерным условиям... и, когда уже после смерти Сталина, дело его было пересмотрено, покидал лагерь с большим, набитом «имуще-

ством» чемоданом, в новеньком, неизвестно где сшитом, костюме.

— Освобождаюсь вчистую, с полной реабилитацией! — с торжеством прокричал он мне, стоя на вахте, уже за пределами зоны, и помахивая реабилитационной справкой.

— Сколько же тебе пришлось зря просидеть? — спросил я.

— Около семи, — ответил Ян уже другим, несколько упавшим голосом.

Тюрьма и лагерь действуют на неустойчивые в моральном отношении натуры деморализующе, особенно если человек попадает в заключение молодым, с еще не сложившимися убеждениями, этическими нормами. Негативный опыт лагерной жизни среди воров, бандитов, убийц и насильников чаще всего способствует выработке «приблатненной» психологии и морали». И Рокотову «захотелось после страшных лагерных лет пожить «на всю катушку», а учеба в институте и грошовая стипендия давали слишком мало возможностей... Ян бросил институт и занялся подпольным промыслом. В этом ему помогали еще несколько человек из нашего лагеря, которые в свое время также сидели по 58-й статье и были реабилитированы, но в лагере прониклись уголовным взглядом на мир и жизнь».

...Так сталинский лагерь ломал всю жизнь молодых людей... Во время моей еженедельной работы (1994–2000 гг.) в Комиссии по вопросам помилования при Президенте России (была при Ельцине такая Комиссия, и шло помилование — снижали сроки наказания 500–800-м заключенным ежемесячно) мне не раз приходилось читать дела осужденных, не вылезавших из тюрьмы — по 5–6 приговоров за жизнь... И почти всегда первая посадка была в конце 40-х годов, в 16–17 лет..

Тогда за доллар по официальному курсу давали 4 рубля, туристам из «капстран» — 10 рублей. Иностранцев туристам это, естественно, не очень-то устраивало. Рокотов предлагал совсем другую цену — 20–25 рублей. А потом с выгодой перепродавал валюту — доллары или западногерманские марки — советским туристам или командировочным. «Одна моя бывшая солагерница, — пишет И. Фильштинский, — шепотом рассказывала мне, что обороты Яна достигали многих десятков тысяч рублей. Ходили слухи о его легендарном богатстве, каких-то немислимых кутежах в московских и ленинградских ресторанах и о любовных связях с красотками уголовного и полууголовного мира».

...Уже этого одного советская власть не могла вытерпеть. Не могли быть богатым! Только нам, партчиновникам, это позволено. И кутим мы подальше от ваших глаз.

А ведь Рокотов не только никого не убил — не ограбил, но вряд ли даже по-крупному обманывал! Кроме родной советской власти, которая строго-настрога запрещала своим подданным держать в руках валюту — только за границей, в строго отмерянных ею дозах.

...«Черный рынок» — пространство «валютчиков» — простирался от Пушкинской площади до гостиниц «Националь» и «Москва». Там сновали те, кто скупал у иностранцев (их стало в Москве много больше после Всемирного фестиваля молодежи летом 1957 года) валюту и золотые монеты (их привозили почему-то арабские офицеры). Все это постепенно попадало в руки Рокотова и его поделщиков.

Летом 1960 года вышел указ — дела о «нарушении правил валютных операций» передавались от МВД в КГБ — то есть дела эти приобретали знакомую всем «антисоветскую» окраску... В мае 1961 года 33-летнего Рокотова, а также его ровесника, аспиранта Плехановского института Д. Яковлева и 24-летнего студента В. Файбышенко арестовали.

«Известия» и «Комсомольская правда», соревнуясь в эпитетах, называли их слизняками, подонками, «обезьяньим стадом, которое жалело лишь об одном: в нашей честной Москве нельзя так, как в Лондоне, Париже или Нью-Йорке, открыто потрясать своими барышами (журналисты проговорились: только скрытно, как партноменклатура! — М. Ч.) и, требуя и ликуя, мчаться по дневным, освещенным светом солнца улицам». Сегодня и не очень-то поймешь эти слова...

Арестованные ожидали приговора, положенного по закону, — три года лишения свободы с конфискацией имущества.

К началу следствия приняли основы нового законодательства. Теперь им могли дать восемь лет.

Но за две недели до начала процесса, по настоянию тогдашнего председателя Президиума Верховного совета Л. Брежнева, Президиум выпустил указ — нарушители валютных операций теперь могли получить пятнадцать лет.

Известно во всей мировой юриспруденции — закон, ухудшающий положение подсудимого, обратной силы не имеет. Но, как писал Маяковский:

У советских
собственная гордость:
На буржуев
смотрим свысока.

Поэтому всем троим был вынесен приговор — 15 лет. А обещали Рокотову на следствии не больше пяти... Он был потрясен. Генерал КГБ, курировавший процесс, угрюмо сказал ему — «Это неожиданность и для нас». И обещал пересмотр дела. А все происходило потому, что вернулся из Западного Берлина (еще не отгороженного каменной стеной от Восточного) разъяренный Никита Хрущев. Он поучал буржуев — почему у вас городом заправляет «черная биржа»?

Тут ему и сказали, что и здесь, как обычно, мы переплюнули растленный Запад...

Председатель КГБ Шелепин готовно доложил Хрущеву, что головка московской черной биржи уже сидит.

— И сколько им дадут?

— По кодексу — пять-шесть лет.

Хрущев чуть не задохся от гнева.

И когда, нарушив ради воли первого секретаря правящей партии закон, вынесли приговор — 15 лет, он потребовал расстрела.

Несмотря на свой антисталинский доклад 1956 года, он сам был воспитанником той эпохи, которая началась в конце 1917 года, когда «буржуазный» суд был отменен и людей стали расстреливать, «руководствуясь своим революционным правосознанием». А затем, формально уже при наличии суда — много лет сталинского девиза: «Нет человека — нет проблемы».

1 июля был спешно принят указ, вводивший смертную казнь за валютные операции.

17 июля 1961 года «Правда» опубликовала информацию:

«В Верховном суде РСФСР

Генеральным прокурором СССР был внесен в Верховный суд РСФСР кассационный протест на жесткость приговора Московского городского суда по делу Рокотова и др. Однако учитывая, что Рокотов и Файбышенко совершили тяжкое уголовное преступление, Верховный суд РСФСР на основании части второй ст. 15 Закона о государственных преступлениях приговорил Рокотова и Файбышенко к смертной казни — расстрелу...

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Приговор встречен с одобрением присутствующими в зале суда».

...Сохранились свидетельства, что, услышав смертный приговор, Рокотов еле дошел до своей камеры. К нему вызвали врача, долго приводили в чувство.

— Кому поверил? — хватаясь за голову, повторял Рокотов. — Суке советской поверил!

У двоих молодых людей отнимали жизнь в угоду одному человеку. А культурного кругозора самого Хрущева не хватило для понимания того, что нарушение аксиом права затмит для западных наблюдателей впечатления от московской «черной биржи»...

Просил о помиловании сына безногий отец Рокотова, просил он сам.

«...Преступление мое заключается в том, что я спекулировал иностранной валютой и золотыми монетами. Ко мне 2 раза применили обратную силу закона... Я очень прошу Вас сохранить мне жизнь и меня помиловать... Ведь я не убийца, не шпион, не бандит. Был стяжателем-спекулянтом. Сейчас прояснился ум у меня, я хочу жить и вместе с советскими людьми строить коммунизм.

Вы говорили, что людям надо верить, и если они говорят, что покончили с прошлым — то можно поверить.

Заверяю Вас — я другой человек, поверьте мне в этом, и я докажу Вам на деле. А расстрелять меня всегда не поздно».

Умоляла Хрущева, с трудом подбирая слова, и мать Файбышенко: «...Неужели расстрел юноши 24 лет, осознавшего свое преступление и искренне желающего исправиться, более гуманный акт, чем то, что из него в будущем будет настоящий человек, если оставить ему жизнь. Я Вас умоляю...».

Через несколько дней в газетах появилось несколько строк, озаглавленных: «**Валютчики расстреляны**».

*

...Когда вы спокойно заходите сегодня в обменный пункт поменять или купить доллары — вспоминайте советское прошлое, от которого твердой рукой уводил страну совсем еще молодой человек — Егор Гайдар.

Вот какую страну — где жестокость власти и презрение ее к закону были нормой — он хотел и надеялся преобразовать.

Мир без детей и другие истории

Филипп Клодель, которого считают одним из лучших писателей современной Франции, родился в 1962 году в семье лотарингского рабочего. Земля Лотарингии, ее история послужили фоном его первых романов. Одновременно Клодель преподает французский язык и литературу. Сейчас он читает лекции в университете Нанси, а раньше по собственному выбору работал в тюрьме и в центре для детей-инвалидов. Возможно, специфика этих мест, страдания, с которыми столкнулся автор, повлияли на манеру его письма. Герои Клоделя — самые обычные люди; об их драмах, слабостях, душевных ранах он говорит с симпатией и сочувствием, стараясь поддержать в читателе надежду. Филиппа Клоделя называют писателем-гуманистом.

Клоделю принадлежат многочисленные романы, сборники новелл и эссе. Он неоднократно удостоивался престижных литературных премий. Предлагаемые сказки взяты из книги «Мир без детей и другие истории», вышедшей в 2006 году.

Трудное ремесло феи

Коралина расчесывала волосы любимой кукле. В эту минуту в комнате появилась фея.

— Добрый вечер, — приветливо сказала она.

— Добрый вечер, — равнодушно ответила Коралина.

— Я фея!

— Мм, — только и отозвалась Коралина, продолжая причесывать куклу.

Фея выглядела растерянной. Она кашлянула, сделала несколько шагов в одну сторону, в другую, одернула платье (великолепное, лунного цвета), поправила прядку волос, выбившуюся из-под золотой диадемы и упавшую на прелестное лицо. Коралина по-прежнему не обращала на нее внимания.

— Я фея, — пропела гостя.

— Издание второе, — пробормотала Коралина.

— Прости, что ты сказала?

— Я сказала, что вы повторяете одно и то же. Я знаю, что вы фея.

— Да, я фея, я нахожусь в твоей комнате, я специально пришла к тебе.

— Но я вас не приглашала. И ни о чем не просила.

У феи задрожали губы. В правой руке она держала волшебную палочку, но, кажется, не знала, что с ней делать. Коралина, так и не посмотрев на посетительницу, старательно расчесывала куклины волосы.

— Но все-таки, — не выдержала фея, — ты хоть понимаешь, как тебе повезло? Сколько девочек хотели бы очутиться на твоём месте! Фея пришла прямо к тебе в комнату! Ты бы хоть посмотрела на меня.

Коралина со вздохом повернулась к очаровательной женщине. Та от радости протанцевала несколько па. Как она была грациозна!

— Послушайте, мадам, — сказала Коралина, — я спокойно играю в своей комнате, а вы входите без стука, как будто у себя дома. По-моему, это не очень вежливо.

— Но, малышка, я же как-никак фея!

— И поэтому можете себе все позволить? Вы думаете, я в конце концов соглашусь на ваше вторжение? К вашему сведению, мадам, существуют законы. Я могла бы вызвать полицию. Полицейские пришли бы немедленно и вас арестовали. Тем более что вы пристаёте к несовершеннолетней, к маленькому ребенку. Мне шесть лет, мадам, а закон особенно суров к лицам, которые преследуют маленьких детей, входят к ним в комнату без разрешения, строят им глазки и стараются завлечь, рассказывая всякие невероятные истории!

На лице феи появились крупные капли пота. Она оперлась о кровать Коралины.

— Но ведь все маленькие девочки мечтают... Все дети... Дети обожают фей. Мне казалось... Я думала...

— Думайте что угодно, мне это безразлично, только, пожалуйста, оставьте меня в покое.

— Но ты хоть знаешь, что я обладаю магической властью?!

Коралина вздохнула и пожала плечами.

— Да, притом колоссальной, — торопилась фея, — благодаря моей волшебной палочке.

Фея почувствовала себя уверенней и решительно подняла вверх инкрустированную бриллиантами палочку. Коралина бережно положила куклу на пол, повернулась к фее и скрестила руки. На лице у нее появилась гримаса.

— Вы в своем репертуаре. Каждый день приходите ко мне в комнату и говорите одно и то же: фея, волшебная палочка, магическая власть. Во вторник вы хотели устроить дождь из розовых лепестков, а получилось облако, которое страшно воняло. И этот ужасный запах держался очень долго, мне пришлось заткнуть нос, чтобы заснуть.

— Оплешность, нелепая оплешность!

— В среду вы пытались превратить моего плюшевого мишку в прекрасного принца, а вышел пучок лука-порей. На что, интересно, мне лук-порей?

— Я применила не ту формулу!

— В четверг вы подевали мою книжку сказок неизвестно куда...

— Это была ошибка, всего лишь ошибка!

— В пятницу вы хотели сделать из моего стула карету, но только сломали его. Мне потом попало от мамы.

— Очень-очень сожалею!

— В субботу вы собирались научить мою собаку говорить, она отъезла у вас половину ноги.

— Мне не хватает практики, нужно меня понять!

— Поэтому ради Бога, мадам, оставьте свою магическую власть при себе и будьте любезны, выйдите из моей комнаты. Только не протестуйте и ничего больше не говорите, а то я закричу, и прибежит мой папа. А мой папа, у него нет никакой власти, даже над мамой, но он очень сильный!

По щекам феи потекли слезы. Через минуту она разрыдалась. Коралина, в общем-то хорошая девочка, протянула ей носовой платок.

— Мадам, пожалуйста, успокойтесь. Постарайтесь все-таки сохранять достоинство.

Фея вытерла слезы, громко высморкалась, почесала волшебной палочкой щеку, свалилась на кровать и, глядя на Коралину красными глазами, жалобно заговорила:

— Я очень долго была безработной. Так тяжело ничего не делать! Я совсем потеряла квалификацию.

Коралина дружески похлопала ее по спине.

— Ничего, все вернется. Ведь должны же существовать курсы усовершенствования.

— Ты думаешь? — с надеждой спросила фея.

— Конечно, конечно, не сомневаюсь.

— Боюсь, я слишком стара...

— Да нет, что вы. И потом вам нужно пойти к психотерапевту, в трудные периоды это имеет смысл. Очень важно перестроиться, начать жизнь заново, поверить в себя. Мы живем в обществе, которое не любит неудачников. Станьте терминатором!

— Терминатором?

— Ну это я так. Решите для себя, что вы их всех уничтожите.

— Но кого?

— Других, конкурентов, работодателей... Ладно, забудьте, что я говорила. Вам, наверно, лучше всего пойти к врачу. Сейчас есть лекарства без побочных действий, очень эффективные.

— Ты права, пожалуй, я так и сделаю. Ты славная девочка. Твоим родителям повезло.

— У всех бывают взлеты и падения, — ответила Коралина, беря в руки куклу и гребенку.

— Ладно, я пойду.

— Спасибо, вы очень любезны. Пожалуйста, выйдите через дверь и не поднимайте шума.

— Не беспокойся. Я больше не буду тебе надоедать, обещаю.

— Да, я думаю, ради вашего же блага не стоит.

— До свиданья, Коралина.

— Не до свиданья, мадам, а *прощайте*. И удачи вам.

Толстяк Марсель

Марселем звали огромный блокнот в блестящей красной обложке. В бедняге было не меньше десяти сантиметров толщины, и с начала учебного года он каждую неделю прибавлял в весе. Сейчас он скорее походил на раскрытую гармошку.

Дело было в мае, и Маринетте становилось все труднее засовывать Марселя в рюкзак, с которым она ходила в школу. Маринетта обеими руками изо всех сил втискивала его внутрь. Марсель страдал, пытался как можно больше ужаться, с трудом сдерживал крик боли. Когда Маринетта наконец закрывала рюкзак, Марселю казалось, что вот-вот он задохнется, что пришел его последний час.

Кроме Марселя, в рюкзаке жило еще много народу. Двойной дециметр, прямой и жесткий, как палка, угольник, которого ничуть не смущало, что другие на него натыкаются, компас с магнитной стрелкой (она вечно металась как угорелая и действовала всем на нервы), пенал, вообразивший себя необыкновенно элегантно. Еще там были три ластика, слонявшиеся по всему рюкзаку, комок старой жевательной резинки, сморщенной, но еще клейкой, два высокомерных кляссера, никогда ни с кем не общавшихся, три немолодые книги (они круглые сутки дремали, но при этом занимали порядочно места), перьевая ручка, которая вечно текла, пара очень застенчивых кроссовок, тетрадка, задиравшая нос, потому что единственная из всех держалась на спирали, и старый одноглазый медведь по имени Жожо.

К тому же каждое утро мама клала сверху завтрак. Он обычно смотрел на прочих свысока и даже позволял себе замечания вроде: «Это от вас так плохо пахнет? Вы что, никогда не моетесь?» Ну и другие подобные же любезности. Пара кроссовок (ее звали Алиса) начинала горько плакать, догадываясь, что эти слова адресованы ей. Хотя она ни в чем не была виновата; всякий знает, какая у кроссовок беспокойная судьба. Толстяк Марсель, отличавшийся редкостной добротой, часто старался утешить ее: «Не расстраивайтесь, мадмуазель Алиса. Этот тип себе позволяет Бог знает что, но ведь через два часа он замолчит навсегда». И правда, в десять часов Маринетта хватала завтрак, и, хотя тот вопил и отбивался, без церемоний вытаскивала из рюкзака, — и только его и видели.

Из всех дней недели Марсель долгое время особенно любил понедельник, потому что в этот день Маринетта занималась танцами и в рюкзаке оказывалась ее балетная пачка. Розовая балетная пачка — это очень красиво. Просто удивительно красиво! Марсель впервые увидел ее в сентябре. Сам он выглядел тогда молодым и

подтянутым, без единой истрепанной страницы. Истисаны были только первые два листа, на третьем красовалась одна-единственная ксерокопия, что очень шло Марселю и придавало ему довольно-таки лихой вид. «У тебя есть все шансы», — шепнул ему старый медведь Жожо, толкнув локтем в бок и кивнув в сторону пачки. «Ты думаешь?» — робко отозвался Марсель. Пачка была совсем рядом и даже касалась его. От нее чудесно пахло. Он поглядел на нее, она в ответ улыбнулась, еще больше порозовела, а уж Марсель стал ярко-пунцовым и влюбился без памяти. Ее звали Жозефина.

Их любовь длилась весь первый триместр. Уже с утра понедельника Марсель был сам не свой. Прежде всего он освобождал в рюкзаке место для Жозефины. Когда она появлялась, он демонстрировал все свои страницы — с надписями, коллажами и рисунками. Наверно, Марсель кое-что приукрашивал, но ведь и Жозефина рассказывала всякие истории про танцы. Марсель слушал в восторженном изумлении. Во вторник утром любимая исчезла, и Марсель с нетерпением ждал следующего понедельника.

Но в январе все изменилось. До этого Марселю пришлось прожить в одиночестве две недели рождественских каникул. Какое это было мученье! Когда Жозефина вновь оказалась в рюкзаке, Марсель так и бросился к ней. Но она сказала недовольным голосом: «По-моему, вы потолстели». Он и правда потолстел, но ведь когда любишь кого-то, любишь его таким, какой он есть! К тому же все знают, что во время зимних праздников обычно поправляются, а потом худеют. Марсель попытался объяснить это возлюбленной. Он показал ей страницы с наклеенными графиками, рисунками и фотографиями, которые Маринетта подготовила для рассказа о жизни на ферме. Марселю одному пришлось принять трех коров, двух лошадей, шесть свиней, двух коз, барана, фермера, его трактор и полный курятник. Как-никак для них требовалось много места! Но после выступления Маринетты вся эта компания безусловно исчезнет. Жозефина ответила только: «Ну посмотрим».

Увы, время шло, но надежды Марселя не сбывались. Маринетта давно уже рассказала в классе о жизни на ферме, но ферма в полном составе так и осталась на страницах Марселя; видно, всем там очень понравилось. Главное же, учительница заболела, а та, что пришла на ее место, обожала ксерокопии. В начале учебного года ксерокопии скорее забавляли Марселя, но сейчас! Иметь дело с особой, одержимой ксерокопиями, с обожательницей ксерокопий! Не иначе как ее муж был специалистом по ксероксам, и она могла делать копии бесплатно. Каждый день она приносила в школу огромные пачки, и дети вклеивали в блокноты сразу по несколько листов. Марсель, как и все его собратья, стал задыхаться. Меньше чем за два месяца он удвоился в объеме. В это время его и прозвали толстяком.

И вот наступил тот страшный мартовский понедельник, когда Жозефина сказала, что между ними все кончено, она не может любить такого, как он. Интересно, он когда-нибудь смотрит на себя в зеркало? Он знает, в кого превратился? В чудовище! Да, в настоящее чудовище! И Жозефина повернулась к нему спиной.

Немного погодя на Марселя обрушился новый удар. Жозефина завела роман с Альфредом, двойным дециметром, этим сухим, как палка, долговязым недоумком. Марсель слышал, как между двумя поцелуями они шепчутся и хихикают. Несчастный Марсель отлично знал, над кем они смеются.

Никогда еще ему не было так плохо. К тому же он все толстел и толстел, потому что новая учительница не только заваливала детей ксерокопиями, но и уговорила собирать гербарий. Марселю — кому же еще — достался стебелек ландыша, две маргаритки, пять фиалок, одуванчик, репейник — нет, вы только представьте себе, репейник! — и тюльпан, к счастью карликовый.

Но больше, чем вес и гигантский размер, Марселя волновало то, что у него оставалось всего несколько чистых страниц.

— Ты не знаешь, что делают с блокнотами, такими, как я, когда в них больше нет ни одной чистой страницы? — этот вопрос Марсель как-то вечером задал Жожо.

Старый медведь прочистил горло.

— Мм, наверно, все-таки надо, чтобы ты узнал... Блокноты, когда в них не остается чистых страниц, они... они исчезают.

— Как исчезают?

— Вот так. Никто их больше не видит. Появляется новый, молодой и свежий, как ты в прошлом году.

— Но куда же они деваются? — с тревогой спросил Марсель.

— Не знаю.

— Может, она их держит у себя в комнате?

— Вряд ли. Я иногда бываю у нее в комнате. Никогда не видел там старых блокнотов.

— Может, они хранятся еще где-нибудь в доме?

Жожо ничего не ответил и опустил голову.

— Ты хочешь сказать, — продолжал Марсель умирающим голосом, — что старые блокноты выбрасывают? И после всего, что я сделал для Маринетты, меня просто выбросят?

— Боюсь, что да, бедный Марсель. Боюсь, что да.

Больше друзья не сказали ни слова. В жизни Марселя это был самый ужасный вечер. Но ночь оказалась еще хуже. Марсель очень плохо спал, его преследовали кошмары. То он бесконечно падал в колоссальный мусорный бак, то его размалывала на кусочки дробилка, то его страницами разжигали древесный уголь, чтобы жарить мясо на открытом воздухе, и он постепенно превращался в пепел.

Назавтра был понедельник. Марсель чувствовал огромную тяжесть — и в теле, и на сердце. Прочие, как обычно, жаловались на неудобства общественного транспорта, на плохой запах, на тесноту и скученность. Завтрак, кусок фруктового кекса с бельгийским акцентом, гордо описывал замечательную сверхсовременную фабрику, где автомат упаковал его в целлофан. Разумеется, кекс не догадывался, что через два часа ему придет конец. Жозефина и Альфред целовались. Кроссовки плаксивым голосом просили у всех извинения. Марсель думал о своих последних часах и подводил итоги жизни. Он вспоминал о счастливых минутах, представлял себе

лучшие страницы, находил что-то хорошее даже в ксерокопиях, из-за которых распух, в засушенных цветах, царапавших ему кожу, в коровах, занимавших Бог знает сколько места, в тракторе, едва умещавшемся на двух страницах.

Вдруг обитатели рюкзака ощутили сильный удар.

— Ну вот, начинается, — пробормотал кляссер.

— По-моему, она бросает рюкзак все дальше и дальше, — сказал один из ластиков.

— В конце учебного года дети обычно возбуждены и соревнуются, кто бросит рюкзак дальше всех, — пояснила хрестоматия.

— Эй, ребята, смотрите, — воскликнул в панике компас, — рюкзак растянулся!

— Немного свежего воздуха не помешает, — вздохнул пенал, зажатый между кроссовками.

В просвете показалось голубое небо. Кругом шумели дети. Сейчас прозвенит звонок. Марсель жадно глотнул свежего воздуха и почувствовал запах сена, деревни, больших пространств, запах свободы! И в тот же миг к Марселю пришло... озарение!

— Я ухожу, — громко крикнул он.

— Что, что? — переспросил Жожо, туговатый на ухо.

— Убегаю!

— Ты с ума сошел, — в один голос сказали кляссеры.

— Через десять метров тебя поймают, — поддержал их кусок жвачки.

— Мне терять нечего, я хочу попытаться счастья, — возразил Марсель.

— И правда, терять нечего, — презрительно отозвалась Жозефина. — Сколько ему жизни осталось...

Сердце Марселя, щедрое сердце блокнота, сжалось от обиды. «А тебе сколько осталось? По-твоему, Маринетта больше не вырастет? Из тебя сделают обыкновенную тряпку, а тряпкой моют окна и стирают с рук жирную смазку после возни с мотоциклом!»

В рюкзаке наступило молчание. Жозефина задрожала. Альфред прижал ее к себе, но у него самого душа в пятки ушла. Маринетта имела обыкновение засовывать его в рот и покусывать, так что половина цифр стерлась. А вдруг и его выбросят на помойку?

С минуты на минуту должен был прозвенеть звонок.

Жожо обхватил Марселя потертыми плюшевыми лапами. Марсель последний раз поглядел в лицо другу, прижал его к толстому многостраничному животу, выкрикнул, словно боевой клич, «Счастливо оставаться!» и, собрав все силы, рванулся из рюкзака, как будто бросился в атаку.

Резкий порыв ветра подхватил Марселя, поднял в воздух, и Марсель полетел, страницы по ветру. Тут же из него высыпались засушенные цветы и все, что было ненадежно приклеено. В мгновение ока Марсель расстался с трактором, фермером, одной из коров и пятью ксерокопиями таблицы умножения. Школьный двор, играющие дети все уменьшались и уменьшались в размерах. Потом и школа, и весь городок исчезли из вида. А Марсель поднимался все выше, теряя одну за другой наклеенные ксерокопии, становился тоньше и легче, и чем легче он делался, тем быстрее нес его ветер.

Так он путешествовал весь день. В сумерки ветер стих, и Марсель приземлился на поле, покрытом мягкой росистой травой. Он снова выглядел стройным юношей. Ни одного коллажа, ни одной ксерокопии, ни одной посторонней бумажки. Ветер освободил Марселя от всего, что его обременяло. А слова, написанные Маринеттой, постепенно исчезли, растворившись в каплях росы, от них ничего не осталось. Ни малейшего воспоминания.

Марселю стало легко, как в раннем детстве.

Он сложил страницы, блаженно растянулся во всю длину и заснул со счастливой улыбкой на обложке.

Перевод с французского И. Дмоховской (Париж)

панорама

Памо собой, курение вредит здоровью. Но не только: курение наносит ущерб и технике. К этому

В апреле был раскрыт документ из архивов MI-5, согласно которому нацисты планировали в случае поражения в войне внедрять во все страны агентов-нелегалов, а

Самая свежая история о безумствах Гитлера поведена британским писателем Гремом Дональдом. По данным Дональда, Гитлер и Гиммлер опасались, что немецкие солдаты за-

неожиданному выводу пришел клиент фирмы Бен Йоль, дизайнер из Гессена. Он принес в сервисный центр Apple во Франкфурте свой iMac, у которого вышел из строя DVD-дисковод. Компьютер еще находился на гарантии. Но Йоль курит, поэтому бесплатно отремонтировать его технику фирма отказалась; никотин загрязнил компьютер, и ремонт подверг бы опасности здоровье мастера. В Apple заявили, что курящим клиентам вообще-то не отказывают в гарантийном обслуживании, однако фирма имеет право отказаться ремонтировать сильно загрязненную технику. Случай Йоля не единственный: в Америке с 2008 года уже было несколько историй, когда Apple отказывалась ремонтировать по гарантии устройства, загрязненные никотином или смолами. Но не из-за опасений за здоровье мастера, а потому, что дым приводит к загрязнению чувствительных деталей, то есть клиент сам виноват в поломке. Йоль из этой ситуации уже сделал свои выводы: он собирается купить компьютер от Windows.

Неужели Гитлер был еще безумнее, чем нам кажется? Впрочем, полагает «Нью-Йорк Таймс», здравомыслящего диктатора найти очень сложно: «Абсолютная власть сводит с ума, побуждает к бреду и нездоровым фантазиям».

офицеров союзнической коалиции травить. «Немецкие агенты говорили, что им предписывали вначале угощать офицера сигаретой, от которой болит голова, а затем предлагать отравленную таблетку аспирина, убивающую за 10 минут».

Была разработана отравка для книг, столов и дверных ручек, взрывчатка, которая срабатывает вблизи от влажного стакана, и пряжка для ремня с серебряной свастикой, в которую был вделан пистолет с двумя пулями. Сведения исходили от пленных немецких шпионов, сброшенных на парашютах во Францию в 1945 году. Британское командование сочло их показания несколько фантастичными, но на всякий случай запретило своим солдатам есть немецкую еду и курить немецкие сигареты.

Между тем Джен Бондесон из Медицинской школы Кардиффского университета опубликовал книгу «Удивительные собаки». В ней говорится, что Гитлер помогал немецкой школе, где мастифов пытались научить «разговаривать» с людьми. Возможно, нацисты пробовали вывести породу суперинтеллектуальных собак-штурмовиков?

Бондесон опирается на статью от 1943 года в нацистском журнале о директоре собачьей школы, некоей фруау Шмит. Она уверяла, что некоторые собаки произносили несколько слов. Один пес на вопрос «Кто такой Адольф Гитлер?» якобы ответил: «Мой фюрер!».

разяться от французских проституток дурными болезнями. Поэтому Гиммлер заказал изготовить надувных кукол — блондинок с голубыми глазами — и выдать их солдатам, но те стеснялись носить резиновых женщин с собой.

Фильм «Гарри Поттер и Дары смерти: Часть 2» вышел в прокат. «Что значил для меня “Гарри Поттер”? В чем смысл жизни?» — отвечает вопросом на вопрос Эмерсон Спартц. В возрасте 12 лет, более 10 лет назад, Спартц основал сайт *MuggleNet.com* для фанатов поттерианы.

Поколение читателей училось вместе с Поттером в Хогвартсе, а биография автора книг развивалась по сценарию «сказки для взрослых»: удача, слава, красота и несметное богатство. Смысл Гарри Поттера не стоит путать с цифрами прибылей от него. Кинозрители заплатили за билеты на фильмы цикла более 6 миллиардов долларов — на треть больше, чем за все 22 фильма бондианы.

Но главное в другом: Гарри Поттер стал точкой соприкосновения почти для всех, а это редкость во времена, когда люди выбирают из 500 спутниковых телеканалов.

Нередки заявления: «Гарри Поттер спас спрос на книги! Гарри Поттер спас чтение! Гарри Поттер спас нас всех!» По данным Национального фонда искусств (США),

панорама

в 2002–2008 годах взрослые американцы стали больше читать, причем наибольший прирост наблюдался среди лиц 18–24 лет — именно они выросли на поттериане.

биографии второстепенных персонажей — о знакомстве дяди и тети Гарри, о любви профессора Макгонагалл к магглу. Это будут тексты, написанные Роулинг, — иначе говоря,

футболистов и принцесс-невест. По словам Елены Гагариной, ее отец никогда не забывал теплый прием, оказанный ему англичанами. «Из газет и литературы он знал, что они

Как выглядело бы это поколение без Гарри? Очки были бы не такими круглыми. Никто не надевал бы на прогулку длинный полосатый шарф. Ни магглов, ни словечек из британского английского, никаких хипстеров, иронично играющих в квиддич на университетском дворе. Но главное в том, что имидж «книжного червя» не демократизировался бы.

Роулинг также приучила читателей к терпению. Мелисса Анелли, автор книги «Гарри: История» о фанатах поттерианы, замечает: «Движущая сила нашей эпохи — мгновенное удовлетворение капризов. А в мире «Гарри Поттера» нас вынуждали все откладывать, и дожидаться, и прислушиваться, и упиваться всем этим».

Анелли — одна из организаторов конвента фанатов во Флориде, который в этом году пройдет в форме выпускного бала.

Официальное завершение цикла — символ нового начала, точно феникс Дамблдора, восставший из пепла. Ожидается, что на сайте «Pottermore» появятся истории из

новые материалы для фанатов, новые персонажи для ролевых игр, новая пицца для фантазии.

Книги завершились, киноэпопея завершается, но подлинные фанаты всегда знали: на самом деле Гарри Поттер живет в сердцах, а не на бумаге или экране.

Спустя ровно 50 лет после торжественной встречи Юрия Гагарина в Лондоне его дочь Елена Гагарина открыла в британской столице памятник первому космонавту. Статуя, выполненная по проекту Анатолия Новикова и подаренная Великобритании агентством «Роскосмос», была установлена рядом со штаб-квартирой Британского Совета, напротив памятника другому великому исследователю, капитану Куку.

14 июля 1961 года Юрий Гагарин посетил Англию в рамках триумфального турне, и тогда красивого и обаятельного космонавта приветствовали так, как сегодня поп-звезд,

очень сдержанны, но когда приехал в Великобританию, почувствовал, что они очень рады ему, и они выражали свою радость так, что он был потрясен. Трехдневный визит Гагарина пришлось дважды продлевать, чтобы он мог пообедать с английской королевой и встретиться с премьер-министром. В Манчестере огромные толпы народа несколько часов ждали его под дождем, и Гагарин попросил опустить крышу автомобиля, сказав: «Если эти люди мокнут, чтобы поприветствовать меня, самое малое, что я могу сделать, это тоже намочнуть». Американский корреспондент в Лондоне был шокирован тем, что толпы приветствовали Гагарина с не меньшим энтузиазмом, чем месяц назад — президента Кеннеди.

Визит Гагарина казался временем оптимизма, радости и долгожданной оттепели в холодной войне, однако союзники по НАТО резко осудили не слишком официальный прием, оказанный Гагарину, и через месяц возник новый «железный занавес» — Берлинская стена.

Роберт Фальк

1886, 27 октября. В Москве, в семье юриста родился сын Роберт. В раннем детстве увлекался рисованием, вел рисовальный дневник. Самые сильные художественные впечатления были связаны с уголком кухни, где жила кухарка. У нее было изумительное лоскутное одеяло и сундучок, оклеенный лубочными картинками, обертками от мыла, этикетками. Ничего столь красивого ребенок не находил в обстановке квартиры своих родителей.

1903. Окончил Петропавловское реальное училище. Оно не оставило в его памяти никаких впечатлений. Страстно увлекся музыкой и готовился в поступлению в Консерваторию. В год окончания училища ему подарили масляные краски. Он начал ими писать и заявил родителям, что хочет стать художником, только художником.

1905–1915. Учится (с перерывами) в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Среди его учителей — Леонид Пастернак, Апполон Васнецов, по классу мастерства — Валентин Серов и Константин Коровин. Они заложили основу его пластического мастерства. Но осознал он это значительно позже. Увлеченный искусством авангарда, он вместе с другими учащимися (Ильей Машковым, Петром Кончаловским, Михаилом Ларионовым, Аристархом Лентуловым) упорно шел против реального направления и авторитета учителей не признавал. Активно участвует в организации общества «Бубновый валет».

1909. Женится на художнице Елизавете Потехиной. Перед венчанием был крещен.

1910. Участвует в выставках «Бубнового валета». Пишет «Базар в Воскресенске», «Пароходная пристань. Серый день». Любит яркие контрастные сочетания, сдвиги формы; увлечен кубизмом.

1911. На вырученные от продажи картин деньги решает совершить пешее путешествие по северной Италии. Посещает галереи и храмы почти всех городов. Ему открылась связь между искусством Возрождения, эллинистическим искусством и работами Ренуара, Сезанна, Боннара. Они исходят из единой пластической традиции, пластической культуры Средиземноморья. Через Византию волна этой культуры дошла и до Древней Руси, сказавшись в иконописи. Чувство традиции стало для Фалька определяющим. Но никогда его не подавляло.

1918. Работает в Московской коллегии по делам искусства. Преполагает во Вхутемасе. Его ученица, а с 1922 года жена, Раиса Идельсон говорила о нем как о замечательном педагоге: «У него совсем нет той важности, которая присуща крупным художникам, он говорит с нами как равный... Его слова ложатся мне в сознание, как мазки цвета на полотно, они врезаются в мое сознание с необычайной силой и четкостью».

1920. Пишет одну из наиболее известных своих вещей — «Красная мебель» (**репродукция**). Когда Раиса увидела эту работу художника в его мастерской в ряду других, она не смогла сдержать слез: «Все заглушала та музыка, тот потрясающий вихрь красного цвета, который опалил мое зрение и мой ум, мое сердце... Это полотно как бы сделано на одном дыхании, и в то же время в нем звучит вечность».

1924. Персональная выставка в Третьяковской галерее.

1926. Вступление в АХРР (Ассоциацию художников революционной России), по-видимому, вынужденное: Фальку глубоко чуждо стремление ахрровцев навязать дух пропаганды живописным произведениям, желание объявить формализмом всякий поиск новых форм.

1926. Выходит из АХРР. Становится членом «Общества московских живописцев». Участвует в выставках Общества. Камерные темы его полотен, а также отсутствие тяги к публичности до времени спасают его от жестоких проработок.

1928–1937. Получает творческую командировку во Францию — «с целью изучения классического наследия». Живет и работает в Париже, совершая поездки на Корсику, в Бретань, Прованс, Нормандию. Пишет почти исключительно улицы Парижа, но не Большие бульвары и не грандиозные площади, а бедные улицы и пустыри. Ему кажется, что это его настоящий жанр. Выставляется в «Салоне независимых». Огорчается, что он, известный у себя на родине художник, должен отвоевывать успех шаг за шагом, приобретать качества дельца. Не радуют выставляемые в Салонах полотна. «Перед отъездом моим в Париж я был ярким поклонником и приверженцем современной французской живописи. Последствия моего пребывания XIX века... Я был подготовлен к тому, что Делакруа, Мане, Ренуар — хорошие художники. Но я не предполагал всей силы впечатления от этих мастеров. С тех пор я говорю — это новые великие мастера». Однако Сезанна он не разлюбил. Находил, что у того абсолютное цветовое зрение, — как бывает абсолютный слух.

1938. Возвращается в Москву. Илье Эренбургу он так объяснил причину возвращения: «Франция обречена. Трудно работать, не хватает воздуха». Он плохо осведомлен о том, как насчет воздуха в Москве. Очень скоро ему захочется отсюда уехать.

Вместе с летчиком Андреем Юмашевым, с которым Фальк случайно познакомился, а потом подружился во Франции, совершает турне по Средней Азии и Крыму. Летчик рассказывает слушателям о перелете через Северный полюс, а Фальк сидит «на натуре» за мольбертом. Юмашев и несколько его друзей помогли Фальку получить мастерскую в «доме Перцова», в Соймаоновском проезде, откуда открывался вид на Москву-реку и кремлевские соборы. Но никакой возможности художнического заработка не было.

1941–1943. Во время войны живет в эвакуации в Башкирии, затем в Самарканде. Красота древнего города побеждала все другие впечатления — тяжелый быт, голод, отсутствие заработка. Известие о гибели на фронте сына, очень близкого ему человека, подорвало здоровье Фалька, какое-то время он не мог работать. Отравляли жизнь «проработки»; критика зачислила его в ряды формалистов. Не оставляла мысль о возможных репрессиях.

После 1953. С началом «оттепели» для молодых художников-авангардистов и интеллигенции становится живым символом прошедшей эпохи. Через знакомых люди искали возможность посетить его мастерскую. Святослав Рихтер устраивает у себя в доме выставку картин Фалька. Музеям разрешили покупать картины художника. В небольшом помещении объединения московских художников прошла персональная выставка Фалька; художник в это время в тяжелом состоянии лежит в госпитале.

1958, 1 октября. Фальк скончался.

В 1962 году на «разгромной» выставке в Манеже, проходя по залам, Никита Хрущев обратил внимание на фальковский «Натюрморт с картошкой»: «Тоже мне работа! Мазня. Такое и осел хвостом нарисует. Пусть уезжает туда, где его работа будет нравиться. Советскому народу она не нужна». Хрущеву объяснили, что уже как четыре года художник лежит на Калитниковском кладбище. Так Фальк избежал последствий гнева Первого секретаря.

Лия Осипова

Фото Елены Боковой